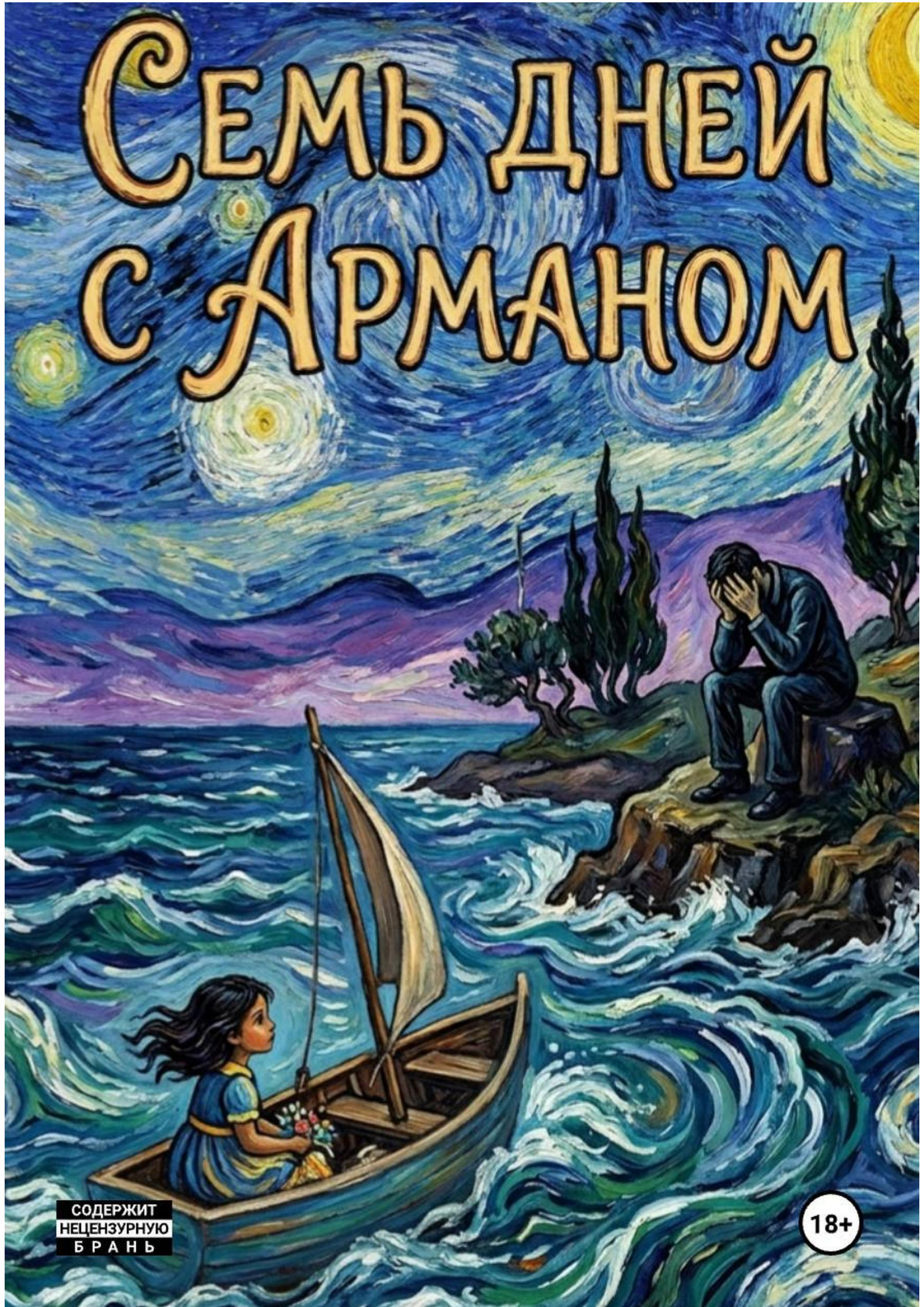

СЕМЬ ДНЕЙ С АРМАНОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аиша Коллинз
Семь дней с Арманом

«Автор»

2026

Коллинз А.

Семь дней с Арманом / А. Коллинз — «Автор», 2026

Пять лет назад она сбежала из особняка Дюмонов в рождественскую ночь, оставив его с разбитым сердцем. Он потратил миллионы, чтобы найти её, но так и не узнал правды. Теперь она вернулась в Монреаль. На свадьбу его брата. С единственной целью — найти компромат, который уничтожит их семью. Но правда, которую она прячет за улыбкой, страшнее любой мести. В её руках — видео, которое перепишет историю этого дома. И её дочь, о существовании которой он даже не догадывается...

© Коллинз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2: Понедельник: Дуэль	20
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Аиша Коллинз

Семь дней с Арманом

«Птица, которая летит ввысь, может и не достигнуть самых вершин неба, но зато она попытается освободиться от оков, держащих ее на земле».

Джелаладдин Руми

Глава 1. Воскресенье: Воскрешение

Февральский Монреаль — не город, а лишь призрак, захлебнувшийся в белом неистовстве. Метель бесчинствовала, стирая границы между небом и землей, превращая строгие линии Шербрук-стрит в хаотичное нагромождение сугробов. Ледяной ветер, пришедший с берегов реки Святого Лаврентия, заунывно пел в водостоках старинных зданий и швырял в окна пригоршни колючей крошки, словно отчаянно пытался пробиться к теплу.

Но стены родового поместья Дюмонов, сложенные из серого камня еще в прошлом столетии, стояли непоколебимо. В малой столовой царила тишина, нарушаемая лишь уютным потрескиванием поленьев да редким перезвоном серебра о тонкий костяной фарфор.

Три брата Дюмон расположились за круглым столом. Эта форма была данью традиции: стол не имел главы, однако каждый из присутствующих безошибочно знал свое место в негласной семейной иерархии.

Артур, старший, сидел с безупречной осанкой. Идеально накрахмаленная сорочка и платиновые запонки выдавали в нем человека, чья дисциплина была не просто привычкой, а броней. Его лицо, будто высеченное из того же камня, что и стены особняка, оставалось непроницаемым. Лишь тонкая синеватая жилка на виске выдавала напряженную работу мысли. Он не просто пил кофе — он контролировал этот процесс, как и движение капиталов семьи, не позволяя себе ни одного лишнего жеста.

Напротив него замер Себастьян. Он небрежно откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди; рукав его кашемирового джемпера чуть задрался, открывая старый шрам на запястье — след бурной юности, который он даже не думал скрывать. Его взгляд, подернутый дымкой привычного скепсиса, неспешно изучал лепнину на потолке. Тонкие губы Себастьяна были тронуты едва заметной, почти болезненной усмешкой, словно он заранее знал финал любой драмы, и этот финал его не впечатлял.

Кристиан, младший, казался единственным живым мазком на этом приглушенном полотне роскоши. От него исходило почти физическое сияние. В отличие от братьев, выбравших строгие темные тона, он был в светлом пиджаке, который казался неуместным в это мрачное утро, но удивительно ему шел. Забыв о еде, он то и дело взъерошивал светлые волосы. В его широко распахнутых глазах отражались отблески каминного пламени, смешиваясь с воодушевлением, которое едва ли могло уместиться в этих чопорных стенах.

— Вы только представьте, — Кристиан подался вперед, и в его глазах вспыхнул азарт. — Гретта мечтает о церемонии в саду, как только зацветут яблони. Это будет похоже на ожившее полотно Моне. Она уже договорилась с флористом: он обещал доставить те самые редкие голубые тюльпаны.

— Голубые тюльпаны в Монреале — вопрос логистики и бюджета, — размеренно отозвался Артур, пригубив кофе. — Но в данном случае, Кристиан, траты оправданы. Брак с Греттой фон Берг — не просто союз двух влюбленных. Это слияние, которое упрочит наш вес в банковском секторе. Отец Гретты — человек старой закалки, он ставит семейные узы превыше всего. Я полностью одобряю твой выбор.

Себастьян издал короткий сухой смешок, не меняя позы.

— Слияние и поглощение... Как поэтично, Артур. Ты рассуждаешь о венчании так, словно мы подписываем контракт на поставку стали. Кристиан, ты всерьез готов добровольно застегнуть на шее этот золотой ошейник?

— Себастьян, не начинай, — Кристиан мягко улыбнулся, давно выработав иммунитет к выпадам брата. — Это не ошейник. Я люблю её. Она... она удивительная.

— Они все «удивительные», пока не начинают покушаться на твоё время, личное пространство и чековую книжку. — Себастьян, наконец, соизволил взглянуть на младшего брата, и в его зрачках блеснула холодная искра. — Брак — это медленная смерть амбиций под звуки свадебного марша.

— Твой цинизм сегодня переходит границы, — отрезал Артур, осадив Себастьяна тяжёлым взглядом. — Кристиан исполняет свой долг и, в отличие от некоторых, находит в этом радость.

— Долг — это то, что мы платим государству, Артур. А отдавать жизнь в угоду фон Бергам... — Себастьян взял чашку, но рука замерла на полпути.

Кристиан, проигнорировав выпад, с надеждой заглянул брату в глаза:

— Себастьян, я серьёзно. Я хочу, чтобы моим шафером был ты.

Себастьян вскинул бровь, и его губы тронула привычная ядовитая усмешка.

— Я? Шафером? Ты уверен, что хочешь видеть у алтаря человека, который на вопрос священника о препятствиях к браку зачитает список из сорока пунктов, начав с дефицита твоего здравого смысла? Я испорчу вам все кадры своим лицом, а в тосте непременно упомяну статистику разводов в Квебеке. Тебе это не нужно, поверь.

— Ты просто боишься, — парировал Кристиан, хотя его задор заметно угасал. — Боишься надеть смокинг и провести вечер, не демонстрируя презрения к человечеству.

Кристиан на мгновение опустил голову. Улыбка окончательно стерлась с его лица, уступив место тени застарелой, так и не зажившей боли.

— Знаешь, — тихо произнес он, — если бы Парис был здесь... я бы даже не предлагал тебе. Он обещал стать моим шафером ещё в школе. Помнишь, мы решили это в столовой?

Себастьян осекся. Имя, слетевшее с губ брата, подействовало как нейротоксин: оно мгновенно парализовало волю и выжгло все едкие фразы. Воздух в комнате сделался густым и душным.

Себастьян медленно повернул голову влево. Там, на свободном стуле, в его памяти неизменно сидела Майя. Он почти физически ощутил её смех и то, как она в сотый раз дразнит его «пухлячком», хотя он давно перерос ту детскую нескладность. А затем он перевёл взгляд направо, на пустующее место подле Кристиана. Там должен был сидеть Парис — математический гений, способный рассчитать траекторию падения снежинки, но не сумевший просчитать тот роковой пред рождественский вечер пять лет назад.

Кристиан проследил за его взглядом. Они смотрели на пустые стулья, и в этой тишине было больше признаний, чем во всех их спорах.

Артур, хранивший молчание, внимательно наблюдал за братьями. Его холодная маска на миг дала трещину. Он понимал: в тот день, когда Майя и Парис исчезли, они все потеряли лучшую часть себя. Себастьян замуровал скорбь под слоями яда, став ещё невыносимее, а Кристиан, несмотря на всю свою «лучезарность», так и не смог заполнить пустоту, оставленную другом.

Метель за окном взвыла с новой яростью, словно само небо Монреаля пыталось проломить стены особняка Дюмонов. В столовой воцарилась мертвая тишина. Лишь треск рухнувшего в камине полена, рассыпавшегося снопом искр, вывел их из оцепенения.

Тяжелые двери из мореного дуба отворились не с привычным мягким скольжением, а с каким-то торжественным, почти сакральным придыханием.

Появление Бенджамина стало вторым ударом за утро. Старый дворецкий, служивший семье еще до рождения Артура и всегда напоминавший безупречно отлаженный механизм, сейчас выглядел так, будто столкнулся с выходцем с того света. Его обычно фарфоровая кожа приобрела сероватый, мертвенный оттенок, а по глубоким складкам на лбу катилась испарина. Белоснежные перчатки заметно дрожали.

— Господа... — голос Бенджамина, обычно глубокий и ровный, сорвался на надтреснутый шепот. Он судорожно сглотнул, пытаясь вернуть себе профессиональную выправку. — К вам гости. Они... они не назвали себя, пожелав сохранить инкогнито, но... Боже мой, я... Я уверен, что вы будете счастливы их видеть.

Слова дворецкого повисли в воздухе, смешиваясь с ароматом остывающего эрл-грея и горьковатым дымом камина. Артур первым взял себя в руки. В его взгляде, прикованном к Бенджамину, читалось ледяное недоумение: старый слуга никогда прежде не позволял чувствам брать верх над выправкой.

— Раз ты считаешь это уместным, Бенджамин, пусть войдут, — отрывисто произнес Артур.

Себастьян, ощутив, как в груди тугим узлом стягивается предчувствие, резким, почти злым жестом смахнул невольную влагу из уголка глаза. В мгновение ока он вернул себе облик скучающего эстета: небрежно откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и прищурился, глядя на порог с выражением ядовитого превосходства. Кристиан же, повинувшись многолетней привычке, заставил себя улыбнуться — светлой, открытой улыбкой младшего Дюмона. Но сейчас она была лишь хрупкой ширмой, за которой пульсировал настоящий ужас надежды.

Все трое замерли, пригвожденные к темному проему. В коридоре послышались шаги. Они были странными — нерешительными, почти невесомыми, словно идущие сомневались, имеют ли они право вновь осквернять этот порог своим присутствием.

В дверях возникли две тени. Они медлили в полумраке холла, оставаясь лишь неясными силуэтами на фоне яркого света из коридора, но само их присутствие изменило плотность воздуха. Казалось, история семьи Дюмон, застывшая в мертвой точке пять лет назад, со скрежежом пришла в движение.

Братья смотрели на незваных гостей, не мигая, боясь, что лишний вдох разрушит это наваждение. Фигуры на пороге замерли, даря им последнюю секунду тишины перед тем, как их привычный мир разлетится вдребезги.

Первым в круг света шагнул он.

Высокий и смуглый, он казался воплощением диссонанса: дорогой шерстяной пиджак сидел на нем с той небрежностью, которая присуща либо истинным аристократам, либо тем, кто видел смерть слишком близко, чтобы заботиться о складках на локтях. В правой руке он сжимал трость с потемневшим костяным набалдашником. Его правая нога лишь едва касалась наборного паркета — старая травма, полученная в Багдаде еще в детстве, осталась с ним навсегда.

Но стоило ему поднять голову, как тени пятилетнего отсутствия развеялись. Это была она — та самая обезоруживающая улыбка Париса, которая когда-то заставляла учителей прощать ему любые безумства. Несмотря на увечье, он не просто вошел — он будто ворвался в комнату на волне необузданной, почти осязаемой энергии.

Кристиан вскочил первым. Тяжелый стул с грохотом повалился на пол, но он даже не вздрогнул. Младший Дюмон замер, а затем почти по-детски, кулаками, протер глаза, отчаянно пытаясь стряхнуть это невозможное наваждение, рожденное февральской вьюгой.

— Ты же не думал, что женишься без меня? — Голос Париса, ставший более хриплым и низким, разрезал вакуум столовой.

Кристиан выдохнул, и этот звук был похож на надрывный всхлип, который он тут же превратил в яростный рык:

— Черт бы тебя побрал!

Парис тихо рассмеялся:

— Он-то меня побрал, Кристиан... Но вернул на время. На время твоей свадьбы.

Кристиан сорвался с места. Огибая стол, он в два прыжка преодолел расстояние и сгреб друга в охапку, напроць, забыв и о трости, и об израненной ноге.

— Полегче, полегче! — Парис пошатнулся, болезненно поморщившись, но не отстраняясь. — За пять лет моя нога, знаешь ли, заново не выросла!

— Радуйся, что я не забыл твою физиономию, не то, что ногу! — Кристиан отстранился, судорожно хватая его за плечи, словно проверяя, не рассыплется ли Парис в облако ледяной пыли.

Себастьян тоже поднялся. Его напускная вальяжность испарилась, оставив лишь растерянность человека, чей циничный мир только что дал глубокую трещину. Он подошел к ним медленно, как во сне. Его ладонь легла на плечо Париса — осторожно, почти невесомо. Себастьян, всегда находивший яд для любого случая, сейчас хранил мертвую тишину. Ком в горле не давал вымолвить ни слова, и он лишь крепче сжал пальцы на дорогой ткани пиджака, подтверждая для самого себя: живой.

Артур остался стоять у своего кресла. Его взгляд, миновав Париса, был прикован к дверному проему. Ведь если вошел один, значит, там, в глубокой тени коридора, все еще пряталась вторая половина их потерянной жизни.

Майя вошла следом — бесшумно, словно сотканная из морозного воздуха и теней. Она замерла у самого порога, и в этот миг столовая Дюмонов окончательно перестала быть просто комнатой, превратившись в декорацию для возвращения легенды.

Смуглая кожа, каскад темных волос, уложенных в тугую длинную косу, и глаза цвета пережженного кофе — поразительное сходство с Парисом не оставляло сомнений: близнецы вернулись. Майя стояла плечом к плечу с Бенджамином. Старый дворецкий, всегда хранивший маску беспристрастности, теперь не скрывал слез, катившихся по глубоким морщинам. Заметив это, Майя по-заговорщицки подмигнула ему — точно так же, как десять лет назад, когда они прятали в саду осколки фамильной вазы.

Она перевела взгляд на центр комнаты. Парис всё еще был окружен Кристианом и Себастьяном; братья, ошеломленные и неверящие в свое счастье, не сводили с него глаз, обмениваясь бессвязными фразами.

Артур заметил ее первым. В его взгляде не осталось ни капли привычной суровости — лишь глубокое, почти отеческое облегчение. Он мягко кивнул ей, принимая это чудо как свершившийся факт. Майя ответила ему такой же теплой, понимающей улыбкой.

Затем ее увидел Себастьян.

Мир для него сузился до одной точки. Майя стояла в оливковом платье, подол которого мягко касался голенищ кремовых сапог, а меховая оторочка воротника подчеркивала гордую посадку головы. Она выглядела как лесная королева, внезапно зашедшая в чопорный замок. Себастьян застыл. В его расширенных зрачках отразилась целая буря: от суеверного страха до яростной, ослепляющей радости.

Парис и Кристиан замолчали, затаив дыхание. Все в этой комнате понимали: эта встреча — иная. Майя и Себастьян всегда были больше чем друзьями — соучастниками, парой сорванцов, чей смех заставлял этот дом содрогаться, а Бенджамин — проявлять чудеса дедукции.

Тишина стала почти физической. Себастьян, наконец, разомкнул пересохшие губы.

— Это ты? — Голос его, всегда уверенный и колючий, сейчас едва слышно дрожал.

— Это я, пухлячок, — выдохнула она.

Это нелепое детское прозвище ударило его сильнее любого признания. Оно стало паролем, единственным ключом, подтверждающим, что это не морок и не галлюцинация.

В один прыжок Себастьян преодолел разделявшее их расстояние. Он подхватил Майю на руки, легко, словно она была невесомым видением, и закружил по центру столовой, забыв о своей напускной вальяжности, дорогом костюме и тяжелом взгляде Артура. Майя запрокинула голову и рассмеялась — звонко, чисто, исцеляюще. Этот смех, не звучавший здесь пять долгих лет, затопил собой каждый уголок, выметая из особняка Дюмонов запах застарелой печали и холод февральской стужи.

Смех Майи, ворвавшийся в застывшую тишину дома, казался чем-то почти осязаемым. Обладая собственной волей, он выплеснулся из столовой, пронесся по холлу, заставив хрустальные подвески люстры едва слышно отозваться, и взлетел по широкой мраморной лестнице. Не раздумывая, этот звук свернул на галерею и, точно призрак, проскользнул в замочную скважину массивной двери в конце коридора.

Там, в сером полумраке спальни, Арман Дюмон затягивал узел галстука перед зеркалом. Второй по старшинству, он всегда отличался более тяжелым нравом и резкими манерами, чем его братья. Когда звук смеха коснулся его слуха, Арман оцепенел. Его пальцы судорожно жали шелк.

— Проклятье, — глухо выдохнул он, не узнавая собственного голоса.

Эта галлюцинация преследовала его годами. В бреду бессонных ночей, в шуме монреальского дождя или в вязкой тишине пустых коридоров он постоянно слышал этот отзвук. Смех Майи стал его личным демоном, неумолимым напоминанием о том, что он не сумел уберечь.

— Что-то случилось, сладкий? — Раздался капризный, сонный голос.

Блондинка, чье имя Арман вряд ли вспомнил бы в эту секунду, приподнялась на локтях, кутаясь в шелковые простыни. Она была красива той безупречной, ледяной красотой, которая идеально дополняла дорогой интерьер, но не имела ничего общего с той бурей, что сейчас разрывала его душу.

— Одевайся и спускайся к завтраку, — бросил он, не оборачиваясь. Его тон был сухим и колючим, как иней на оконном стекле.

Арман вышел из спальни, на ходу застегивая пиджак. Каждый шаг по ковровой дорожке давался ему с трудом, словно гравитация в доме внезапно усилилась. Он спускался вниз, и голоса, доносившиеся из столовой, становились всё отчетливее. Это не было тихим эхом прошлого. Это был гул живых, дышащих людей.

На последней ступени лестницы он замер, до боли вцепившись в резные перила. Снизу вновь донесся её смех — тот самый, который он когда-то ценил выше собственного имени. Сердце Армана пропустило удар. Неужели она действительно здесь? Или безумие окончательно решило предьявить свои права в это метельное утро?

В этот момент двери столовой бесшумно разошлись, и из них вышел Бенджамин. Увидев застывшего на лестнице Армана, старый дворецкий остановился. В его глазах, влажных от недавних слез, тот прочитал ответ на свой немой вопрос.

Бенджамин не произнес ни слова, лишь медленно, торжественно склонил голову. Этот жест был красноречивее любых криков: *«Да, господин Арман. Она вернулась».*

Арман почувствовал, как воздух в легких превращается в свинец. Он медленно разжал пальцы, расправил плечи и, сделав глубокий, почти болезненный вдох, направился к дверям, за которыми его ждало либо величайшее искупление, либо самое сокрушительное испытание в его жизни.

Арман переступил порог, и пространство вокруг него словно остекленело. Он замер именно там, где мгновением ранее стояла она — в самой гуще света и теней.

Майя стояла к нему спиной. Себастьян, всё еще не выпустив её рук, что-то шептал ей на ухо, и каждое его слово отзывалось её коротким, звонким смехом. Чуть поодаль Кристиан с почтительной заботой усаживал Париса, стараясь удобнее пристроить его трость. Артур, един-

ственный, кто сохранял внешнюю невозмутимость, уже отдавал распоряжения подошедшим горничным, требуя сменить приборы.

Но как только тень Армана упала на паркет, тишина вернулась — тяжелая, давящая на перепонки. Братья знали: если Себастьян был ядом этой семьи, а Кристиан — её сердцем, то Арман был её стальной волей. И сейчас эта воля казалась опасно натянутой струной.

Майя ощутила его присутствие кожей — этот холодный, пронизывающий взгляд, который всегда видел её насквозь. Прежде чем обернуться, она натянула на лицо свою самую дерзкую улыбку. Броню, которая никогда её не подводила.

Она медленно повернулась. Внутри всё превратилось в дрожащий комок, но внешне Майя осталась неподвижной. Арман стоял у дверей, воплощение суровости: во всем черном, с лицом, будто высеченным из обсидиана. В его глазах полыхал гнев, густо замешанный на невыносимой боли.

— А я-то думаю, отчего в Монреале такая метель? — Она вскинула подбородок. — Оказывается, погода просто подстраивается под своего главного резидента. Мсье Арман снова не в духе.

Арман на мгновение закрыл глаза. Этот тон, этот невыносимый цинизм, который она когда-то так успешно переняла у Себастьяна, полоснул его по нервам. Он сделал медленный, рваный выдох.

— Майя, — произнес он, и её имя прозвучало как приговор и молитва одновременно. — Кажется, за годы отсутствия ты совершенно забыла, что на самом деле значит «Арман не в духе».

Он сделал шаг вперед. Воздух между ними заискрился от напряжения, старого, как сама их вражда. Себастьян, почуяв наэлектризованную атмосферу, не упустил шанса. С нарочитой небрежностью он притянул Майю к себе, по-хозяйски обнимая за плечи.

— Дорогая, — протянул Себастьян, понизив голос до интимного полупшепота, — после *такой* ночи мсье Арман не может быть не в духе. Мелания так старалась, а кровать так неистово скрипела, что я всерьез опасался за сейсмическую устойчивость особняка.

Майя, не отрывая взгляда от Армана, чуть склонила голову набок:

— А кто такая Мелания?

Ответ пришел сам. Из-за спины Армана, словно кричащее пятно на фоне его траурного костюма, выплыла длинноногая блондинка. Алое платье в пайетках — слишком «клубное» для семейного завтрака — кричало о случайном знакомстве под неонам бара.

— Мелания — это я, — кокетливо отозвалась та.

Майя неспешно, с нескрываемым пренебрежением окинула гостью взглядом. Затем, придвинувшись к самому уху Себастьяна, но так, чтобы её шепот отчетливо слышал каждый, произнесла:

— Что ж, старая добрая желтая пресса не врет: миллионеры действительно предпочитают блондинок.

Себастьян взорвался коротким лающим смехом.

— Только не я, дорогая, — ответил он, блеснув глазами в сторону брата. — Я предпочитаю свою смуглянку.

Арман стоял неподвижно, но по тому, как ходили желваки на его скулах, было ясно: он на пределе. Вид живой Майи, которая вместо покаяния стоит в объятиях брата и безнаказанно над ним подшучивает, доводил его до исступления. Он резко притянул Меланию к себе за талию, словно выставляя щит.

— Как говорит старый добрый учебник географии, Земля продолжает крутиться вокруг своей оси, несмотря ни на какие... обстоятельства.

Майя улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него когда-то перехватывало дыхание.

— Я искренне рада за Землю. Приятно видеть, что она не растеряла своего фундаментального качества... так профессионально крутиться.

В столовой повисла тишина, острая, как лезвие. Артур постучал серебряной ложечкой по краю чашки.

— Может, мы продолжим уроки географии за столом? — Его голос был ровным, но в нем сквозила сталь. — Мой кофе остыл, а я ненавижу холодный кофе так же сильно, как и семейные драмы до полудня.

Парис, всё ещё опираясь на Кристиана, слегка наклонил голову. На его лице промелькнула тень прежней вызывающей усмешки.

— Тебе тоже доброе утро, Арман. Рад видеть тебя в добром здравии.

Арман перевёл на него взгляд — тяжёлый, исполненный старой неприязни. Для него Парис всегда был отражением Майи, её защитником, которого невозможно было ни подчинить, ни просчитать.

— Они приехали ко мне на свадьбу, брат! — Кристиан буквально сиял. — Теперь ничто не испортит мне настроение. Ни метель, ни даже твоя мина, Арман.

Себастьян, не дожидаясь приглашения, усадил Майю на её законное место — слева от себя.

— Слишком не надейся на них, Крис, — голос Армана был пропитан ядом. — Глядишь, они снова исчезнут, как только снег начнет таять.

Он демонстративно отодвинул стул для Мелании. Арман сел прямо напротив Майи. Он старался смотреть на Артура, на тарелки, но видел только одно: Себастьян снова что-то шептал Майе на ухо. Она подалась к нему, коснувшись его плеча своим, и рассмеялась так, будто Армана вообще не существовало. Будто он был всего лишь деталью интерьера.

За окном метель завывала в унисон с тем глухим рычанием, которое Арман подавлял в собственной груди. Завтрак начался, но за этим столом каждый сидел в своём окопе.

Артур на мгновение отвлекся от своего остывшего завтрака. Его взгляд - обычно расчетливый и сухой - неожиданно смягчился. Он смотрел на четверых молодых людей, создавших вокруг себя невидимый кокон, непроницаемый для старых обид. Себастьян, Кристиан, Парис и Майя — они перебивали друг друга, жестикулировали, и в этом хаосе звуков была та искренность, которую стены особняка почти разучились хранить.

— Надо же, — негромко произнес Артур с несвойственной ему ностальгией. — Три мушкетера и Д'Артаньян снова вместе. Пять лет спустя. Чистая классика.

Майя мгновенно подхватила подачу. Изящным жестом она «сняла» с головы невидимую широкополую шляпу с перьями, отвесив шуточный поклон. Именно она всегда была их Д'Артаньяном — безрассудной, дерзкой, вечно ищущей приключений на головы всей компании.

— Тысяча чертей! Вы правы, монсеньор! — провозгласила она театральным басом, отчего Кристиан едва не подавился соком, а Парис весело пристукнул тростью по полу.

Арману снова стало не по себе. Эта легкость, с которой она ввинтилась обратно в их реальность, раздражала его до зуда под кожей. Себастьян, заметив, как потемнело лицо брата, прищурился. Он накрыл ладонью руку Майи и, не сводя колючего взгляда с Армана, добавил:

— Осторожно, Д'Артаньян. Не забывай, что Кардинал Ришелье тоже здесь. И он явно не в восторге от твоих гасконских замашек.

Мелания непонимающе захлопала ресницами, но Арман даже не шевельнулся. Он смотрел на Майю сквозь пар, поднимающийся от кофе. Майя не отвела глаз. Напротив, она подалась вперед, и в её зрачках, отражавших пламя камина, заплескали опасные искры.

— Ну да, ну да, — протянула она с убийственной мягкостью. — И красная сутана при нем.

Себастьян разразился громким смехом, едва не пролив кофе. Он мгновенно считал метафору: Мелания в своем вызывающем алом платье, сидящая по правую руку от «Кардинала» Армана, идеально завершала образ интригана Версальского дворца.

Сама Мелания, кажется, жила в иной вселенной. На её лице отразилось почти детское недоумение.

— А кто такие мушкетеры и Д'Артаньян? — спросила она.

В столовой повисла такая тишина, что стало слышно, как бьется в стекло обезумевшая метель. Артур замер с ножом над маслом. В доме, где цитаты были частью повседневного языка, этот вопрос прозвучал как святотатство.

Майя продолжала смотреть на Армана. Её взгляд был красноречивее слов.

— Это персонажи книги, Мелания, — наконец произнесла Майя. — Но, видимо, чтение — не совсем твоё хобби.

Мелания, не заметив яда, безмятежно улыбнулась.

— Да, я больше по кино. Не люблю книги, они такие занудные.

— А чем же ты тогда занимаешься, Мелания? — вкрадчиво уточнила Майя.

— Я актриса, — гордо выпрямилась блондинка. — Кстати, Арман обещал мне главную роль у Дени Вильнёва. Мы как раз обсуждали это вчера ночью.

Майя медленно кивнула. На её губах заиграла горькая усмешка. Она знала Армана лучше всех: он ненавидел дилетантство.

— Раз мсье Арман обещал — он сделает. Не сомневайся.

Арман сжал вилку мертвой хваткой. Майя препарировала его жизнь, выставляя напоказ всю пустоту его случайных связей. Парис, постукивая пальцами по трости, прищурился как исследователь перед редким экземпляром.

— Мелания, вы наверняка где-то учились? — мягко спросил он. — Консерватория в Торонто? Джульярд?

Мелания замялась, тронув свое кольцо.

— Я... я не училась. У меня талант от рождения. Агент говорит, у меня «природная органика».

— Самородок! — воскликнул Себастьян, всплеснув руками. — Неограниченный алмаз. Какая находка для канадского кино.

Майя решила нанести удар с другой стороны — через притворное сочувствие.

— Себастьян, не будь буквой. Девушка попала в руки лучшего ювелира. Мсье Арман знает толк в форме. Он сделает из неё звезду. Главное ведь огранка?

Арман наконец поднял глаза.

— Поверь мне, Майя, — его голос вибрировал от ярости, — с неограниченными алмазами работать куда приятнее, чем с теми, кто считает себя недосягаемой вершиной от рождения. В ней, по крайней мере, ноль высокомерия.

— И ноль IQ, — добавил Себастьян в пространство, словно ставя точку в диагнозе.

Кристиан нервно кашлянул, а Артур прикрыл глаза, понимая: «мушкетеры» официально объявили войну «кардиналу». Парис ловко подхватил ускользающую нить разговора.

— Кстати, о «ноль IQ», — он лукаво взглянул на младшего Дюмона, — вернемся к Кристиану. Который, вопреки логике, решил жениться.

Артур медленно опустил приборы.

— А вот это интересно. Откуда вы узнали о предстоящей свадьбе? Мы еще не давали заявлений в прессу.

Парис усмехнулся.

— В деловых кругах Калифорнии вовсю шептались о слиянии «Дюмонфарм» и «Бергсонбанка». Я просто сложил два и два. И понял, что Кристиан взял штурмом крепость под названием Гретта фон Берг. Поздравляю, Крис.

Никто не обратил внимания на аналитические способности Париса. В воздухе повисло лишь одно слово.

— Калифорния?! — Себастьян и Кристиан выпалили это в унисон.

— Вы всё это время жили в Калифорнии? — глаза Себастьяна округлились. — Прямо под носом! Я был уверен, что вас украли марсиане, раз даже великий Арман со всеми его ресурсами не смог вас найти.

Арман почувствовал, как к горлу подкатывает жар. Это было то, чего он боялся больше всего - признания в слабости. Он потратил состояние на детективов, лично вылетал по ложным следам... И слышать сейчас, что всё было тщетно, было хуже физической боли.

— Что вы там делали, гаденыши? — Кристиан покачал головой с безмерным облегчением.

Парис пожал плечами.

— Обычная американская жизнь. Я занимаюсь архитектурой компьютерных игр. А Майя... — он взглянул на сестру, — Майя учится в Стэнфорде. На филолога.

Майя посмотрела на Армана с неожиданной, почти болезненной мягкостью. В этом взгляде не было торжества — только усталое понимание того, какую цену он заплатил за свои тщетные поиски.

— Арман не смог найти нас, потому что мы сменили имена, — тихо произнесла она. — Точнее, мы просто вернули те, что были даны нам при рождении. Марьям и Феруз Ахмеди.

Мелания, до этого лишь хлопавшая ресницами, внезапно издала короткий, резкий звук, похожий на смешок. Она презрительно фыркнула, кривя губы:

— Так вы что... мусульмане?

Артур, сохранявший дипломатичный нейтралитет, медленно поднял взгляд на Меланию. Его брови сошлись у переносицы, а в глазах полыхнул холодный, карающий огонь. Майя, однако, даже не вздрогнула. Она сохраняла тот же легкий, почти безмятежный тон, каким обычно обсуждают сорт чая.

— Да, Мелания. Мы родом из Багдада. Мы оказались в Монреале еще детьми.

Она говорила об этом так просто, будто речь шла о заурядном переезде. Но за этим спокойствием пульсировала правда, которую знал каждый из братьев Дюмон. Они помнили двух испуганных, обожженных войной сирот, вырванных из пекла рушащегося города.

— Мы просто вернули себя себе, — добавила она, глядя прямо в расширившиеся зрачки Армана. — Майя и Парис остались в Монреале, в той, прежней жизни. А в Калифорнии жили Марьям и Феруз.

Арман не выдержал. Глупость Мелании стала последней каплей в чаше его терпения, которая сегодня переполнялась слишком быстро. Он даже не удостоил спутницу взглядом, его глаза были прикованы только к Майе, но голос прозвучал как удар хлыста:

— Мелания, тебе пора. Бенджамин, вызови такси. Прямо сейчас.

Блондинка в алом платье застыла с открытым ртом, не понимая, как она — без пяти минут звезда большого экрана — может быть так бесцеремонно выставлена вон. Но каменный профиль Армана не оставлял пространства для протеста.

Но вместо Мелании со своего места поднялась Майя.

— Не стоит изменять своим вкусам из-за призраков, мсье Арман, — произнесла она мягко, но с отчетливым привкусом издевки. — Мы уедем сами.

Она встала с той врожденной грацией, которую не смогли приглушить даже строгие коридоры Стэнфорда. Парис поднялся следом. Тяжело опершись на трость, он выудил из кармана пиджака лаконичную визитку и точным щелчком отправил её на середину стола. Карточка заскользила по дереву и замерла точно в центре, как брошенный вызов.

— Крис, Себ, — Парис кивнул младшим братьям, в чьих глазах читалось отчаяние пополам с восторгом. — Мы в городе до конца свадебных торжеств. Остановились в отеле «Монреаль». Еще увидимся. Всем приятного дня.

Близнецы направились к выходу так же стремительно, как и ворвались в этот дом. Двери столовой закрылись за ними, оставив братьев Дюмон в звенящей тишине. Мелания, почуввав, что атмосфера в комнате стала по-настоящему взрывоопасной, поспешно схватила сумочку и юркнула в коридор вслед за Бенджамином, стараясь не производить лишнего шума своими пайетками.

Апартаменты отеля «Монреаль» встретили их сдержанной роскошью и тишиной — настолько плотной, что после наэлектризованного воздуха в особняке Дюмонов она казалась физически ощутимой. Едва за ними захлопнулась тяжелая дверь, маска беззаботного «Д'Артаньяна» осыпалась с лица Майи, как сухая штукатурка.

Она начала сдирать перчатки, буквально выламывая пальцы из узкой кожи. Дыхание сбилось. Роль дерзкой, неуязвимой женщины, которую она пять лет репетировала в Калифорнии, теперь душила её, как тесный корсет. Внутри всё выжгло ядовитое пламя ревности. Пять лет она хранила верность призраку: ни один мужчина не смел даже коснуться её руки, пока она зарывалась в книги в Стэнфорде, пытаясь склеить осколки собственной души. А он... Арман сидел рядом с этой куклой в пайетках, раздавая обещания и роли, будто их общая страсть была мимолетным титром перед началом дешевого фильма.

Парис со стоном опустился на низкую софу, обитую дымчатым шелком. Отложив трость, он принялся медленно, методично растирать правое бедро. Монреальская влажность всегда была его личным палачом: старая багдадская травма отозвалась тупой болью, которая поднималась от колена, сковывая мышцы.

Майя замерла у панорамного окна. Зимнее солнце слепило, отражаясь от свежего снега на крышах города, но перед её глазами стоял лишь темный, непоколебимый силуэт Армана. Она соскучилась по нему до ломоты в костях, что сейчас была готова разбить стекло голыми руками, лишь бы заглушить эту ледяную пустоту в груди.

— Всё-таки нам не стоило приезжать, — негромко произнес Парис, не прерывая своего занятия. В его голосе не слышалось упрека, только бездонная усталость. — Я предупредил тебя, Марьям. Ты не готова. Один его взгляд — и ты снова та испуганная девчонка.

— Я никогда не буду готова, Парис. — Майя резко обернулась; на её щеках горели лихорадочные пятна. Она усилием воли заставила слезы застыть льдом в глазах. — Но мне нужна флешка старика Альфонсо. Ты же знаешь, что там записано. Без этого мне не обрести покоя — ни в Стэнфорде, ни на краю земли.

Парис на мгновение замер, его пальцы до белизны впились в ткань брюк.

— Откуда у тебя уверенность, что этот параноик спрятал её именно в особняке? Альфонсо Дюмон не доверял даже собственной тени. Флешка может быть в ячейке швейцарского банка, замурована в фундамент его виллы в Провансе или...

— Нет, — отрезала Майя. — Он доверял только своим стенам. На время свадебных торжеств в доме будет достаточно суматохи, прислуги и чужаков, чтобы мы могли обыскать каждый угол. Свадьба Кристиана — наш единственный легальный пропуск в этот склеп.

Парис тяжело поднялся, навалившись на трость. Он посмотрел на сестру — такую хрупкую на фоне панорамного окна и такую пугающе решительную.

— Надеюсь, пока ты будешь охотиться за этим носителем, ты не потеряешь то, что осталось от тебя самой. — Он направился к своей спальне, и каждое его движение сопровождалось глухим, мерным постукиванием трости по дорожному ворсу ковра. — Я иду спать. Эта нога доконает меня раньше, чем Дюмоны.

Майя не ответила. Она снова повернулась к стеклу. Внизу, по заснеженным артериям улиц, текли черные точки машин. Где-то там, в сером каменном особняке, Арман Дюмон наверняка тоже смотрел на падающий снег, не подозревая: его «призраки» вернулись не за прощением. Они вернулись за видео, запертым в крошечном цифровом чипе.

Пока в отеле «Монреаль» Майя подрагивающими руками наполняла ванну, надеясь смыть ароматом масел ледяной прием Армана, в особняке Дюмонов разыгрывалась личная трагедия.

Арман не помнил, как поднялся по лестнице. Он не слышал, как младшие воодушевленно обсуждали воскрешение старых друзей. Арман шел, ведомый инстинктом раненого зверя, которому необходимо скрыться в норе.

Щелчок замка в спальне прозвучал как выстрел. В комнате царил густой полумрак — тяжелые портьеры не пропускали холодный солнечный свет, который так радовал Кристиана. Арман начал избавляться от брони с несвойственной ему суетой: на пол полетели туфли, галстук был сорван и отброшен на кровать, пиджак бесформенной грудой осел на ковер.

Он опустился в кожаное кресло, в самую темноту, и закрыл лицо ладонями.

Первая мысль ударила под дых, вышибая воздух. Она жива. Господи, она жива. Пять лет он существовал в аду догадок. Он видел её в каждом случайном силуэте, он опознавал тела в моргах, он просыпался в липком поту, уверенный, что её больше нет на этой земле. Пять лет поисков, превратившихся в одержимость, закончились отчаянием. И вот она — сидит за его столом, дышит, язвит. Это было чудо, от которого хотелось кричать.

Но следом, подобно ледяному цунами, накрыла *вторая мысль*. Она вернулась, но не к нему.

Майя смотрела на него так, словно он был назойливым незнакомцем или, что еще хуже, предметом мебели, оставшимся от прежних жильцов. Она позволяла Себастьяну обнимать себя, она делилась секретами с братьями — она была «своей» для всех, кроме него. Для Армана она выстроила стену выше и прочнее, чем стены их особняка.

Чувство вины, которое он нес годами, вспыхнуло с новой силой. Он всегда знал: в её исчезновении виноват он. Что-то случилось в ту последнюю ночь перед Рождеством — или чего-то не случилось по его вине. Его терзала неизвестность: в чем его главный грех?

Демонстративное игнорирование Майи было страшнее любого обвинения. Это было молчаливое клеймо: «Ты виноват в чем-то настолько ужасном, Арман, что я не удостою тебя даже своей ненависти».

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. В тишине спальни было слышно только его неритмичное дыхание. Он обрел ее годы спустя. Но глядя на свои пустые руки, Арман понимал: Марьям, которую он только что видел, была потеряна для него еще безнадежнее, чем пять лет назад.

Она была здесь, в Монреале, но расстояние между их креслами за завтраком оказалось длиннее, чем путь от Канады до Ирака. И этот путь Арману предстояло пройти заново — если он хотел узнать, почему его личный рай стал пепелищем.

Вечерний Монреаль казался вымершим. Снег перестал падать - теперь он лежал неподвижным саваном, отражая мертвенно-бледный свет фонарей. В апартаментах близнецов царил полумрак, нарушаемый лишь мерным дыханием Париса за стеной — лекарства подавили боль, отправив его в глубокое, тяжелое забытие.

Майя встала с постели, чувствуя себя разбитой. Сон не принес очищения. Кожа всё еще хранила аромат масел, но внутри по-прежнему саднило. Она переделалась быстро, стараясь избавиться от образа «леди из высшего общества»: простые джинсы, объемный белый свитер

тонкой вязки, в котором она казалась почти прозрачной, и мягкие оксфорды. Она не стала собирать волосы — тяжелый черный шелк рассыпался по плечам до самой талии.

Бар отеля встретил её приглушенным янтарным светом, запахом дорогого табака и старой кожи. Зал был почти пуст; метель превратила заведение в интимное, почти сакральное убежище для тех немногих, кто рискнул спуститься. Бармен с лицом, исчерченным морщинами опыта, меланхолично протирает бокал. Его взгляд был спокойным и не требующим лишних слов.

Майя замерла у стойки. Ряды бутылок за спиной бармена мерцали, как алтарь в пустом храме. Она не знала, чего хочет от алкоголя — окончательно забыться или, наоборот, почувствовать всё еще острее.

— Вино... — раздался низкий, бархатистый голос, от которого у неё внутри всё болезненно сжалось. — «Шато Марго» для мадемузель. И двойной виски для меня. Без льда.

Арман опустился на соседний стул тяжело, всем телом, будто на его плечи давил не кашемировый джемпер, а гранитная плита. Он не смог усидеть дома или поехать в офис зная, что Майя, наконец-то, здесь - в Монреале. Несмотря на заваленные снегом дороги он сел в свой «Астон Мартин» и оказался здесь. И теперь, когда она была рядом в нескольких сантиметрах, Арман не знал что сказать. Майя тоже не проронила ни слова, впившись взглядом в глянцевую поверхность стойки.

Бармен, старый профи, уловивший вибрации этой встречи, выставил перед Арманом стакан с янтарной жидкостью. Но когда он потянулся за бокалом для вина, Майя резким, почти грубым жестом остановила его и придвинула к себе стакан с виски.

Арман едва заметно дернул уголком рта. Его голос прозвучал сухо, с отчетливой ноткой едкой горечи:

— Виски? Раньше ты морщилась даже от запаха солода. В Калифорнии научили «глушить» реальность по-взрослому?

Майя сделала большой глоток. Жидкость обожгла горло, высекая из глаз непрошенные слезы, но она лишь крепче сжала стекло.

— В Калифорнии меня научили, что иногда обжигать изнутри — единственный способ не превратиться в кусок льда. — Она медленно повернула голову, и в её взгляде блеснула опасная искра. — Хотя тебе ли не знать, как эффективно работает анестезия.

Арман поморщился, его ладонь на стакане напряглась.

— Ненавижу, когда ты играешь "Себастьяна в юбке". Этот его дешевый цинизм тебе не идет. Он всегда был плохим учителем.

Майя горько усмехнулась. Придвинувшись чуть ближе, так что он мог почувствовать аромат ее парфюма, смешанный с запахом алкоголя, она прошептала:

— Ну конечно... Теперь тебе нравятся другие типажи. Безмозглые блондинки в пайетках.

Она допила виски одним глотком и, стукнув дном стакана по дереву, кивнула бармену:

— Повторите.

Арман повернул к ней голову. Его лицо в тусклом свете бара казалось высеченным из камня, а в глазах застыла изнуренность человека, который слишком долго бежал за тенью.

— Они хотя бы честны в своей безмозглости, — отрезал он. — С ними всё ясно с первой секунды. Они не исчезают в Рождественскую ночь, оставляя после себя лишь пустоту.

— Боже мой, «честность»... Какое пафосное слово, Арман.

Она произнесла его имя с той самой интонацией, которой он бредил последние пять лет. Арману стало не по себе. Когда она звала его так — не «мсье Арман», не «дорогой старший брат», а просто по имени — вся его броня осыпалась прахом. Это имя из её уст всегда было его ахиллесовой пятой, его точкой невозврата. Он почувствовал, как в груди тупо заныла старая, наспех заштопанная рана.

Тем временем бармен подал вторую порцию. Майя взяла стакан уверенно, без тени колебания. Она осушила его, почти не морщась, и только расширенные зрачки выдавали пожар, разгорающийся у неё внутри. В баре было мертвенно тихо, музыка едва теплилась, и в этой тишине их упреки звучали как молитвы людей, потерявших всякую надежду на спасение.

Майя вскинула руку, и её пальцы, едва заметно подрагивающие, вновь указали на пустой стакан. Бармен, почуяв неладное, заколебался, переводя взгляд с хрупкой девушки в белом свитере на мужчину, чей силуэт, казалось, вытеснил из пространства стойки весь воздух.

Арман накрыл её ладонь своей. Его рука была горячей и тяжелой, как свинец.

— Решила выпить и уснуть прямо здесь? — его голос понизился до опасного рокота. — Если это твой план, Майя, то он из рук вон плох. Потому что если ты потеряешь сознание прямо за стойкой, я — как истинный джентльмен — не стану провожать тебя в номер. Я заберу тебя в неизвестном направлении и запру под замок. Пока не вытрясу правду. Пока не узнаю до последней буквы, почему ты исчезла пять лет назад.

Бармен громко откашлялся, полируя один и тот же бокал уже пятую минуту. Слова Армана прозвучали слишком веско, слишком похоже на обещание похищения, чтобы оставаться в рамках светской беседы.

Майя не отдернула руку. Напротив, она посмотрела на него сквозь пелену золотистого тумана и рассмеялась — звонко, с той самой надтреснутой ноткой, которая выдавала её отчаяние.

— О, старая добрая тирания! — она восторженно округлила глаза, продолжая свою игру в «Себастьяна в юбке». — Знаешь, когда я жила в Калифорнии, мне вечно казалось, что чего-то не хватает. Всё думала: солнце есть, океан есть, Стэнфорд под боком... чего же для счастья мало? Оказалось — твоих угроз, Арман! Твоего удушающего контроля!

Она сморщила нос — точно так же, как в детстве. Этот жест, такой родной и невыносимый, заставил сердце Армана пропустить удар. Тем временем Майя, улучив момент, когда он ослабил хватку, перехватила третий стакан, выставленный барменом секундой ранее, и осушила его залпом.

Стекло глухо ударилось о дерево. Она вновь кивнула бармену, вызываясь вскинув подбородок.

— Еще один. Пожалуйста.

Бармен потянулся к бутылке, но Арман перехватил его взгляд. В его глазах сейчас не было ни капли рыцарства — только абсолютная власть человека, привыкшего стирать препятствия в пыль.

— Если ты это сделаешь, — произнес Арман так тихо, что звук едва перекрыл шелест вентиляции, — я куплю этот отель завтра к полудню. И первым моим указом будет твоё увольнение. Без выходного пособия и малейшего шанса на рекомендации.

Бармен замер; его рука так и осталась висеть над горлышком. В тишине стало слышно, как тяжело и часто дышит Майя. Она сидела, покачиваясь на высоком стуле, её черные волосы спутанным облаком лежали на плечах, а взгляд был полон такой яростной любви и такой же глубокой ненависти, что воздух вокруг, казалось, начал плавиться.

Арман не стал ждать ответа. С болезненной усмешкой он рывком поднялся и, не давая ей опомниться, притянул Майю к себе. Его пальцы твердо легли на её талию, напоминая о том, что он никогда не умел отпускать то, что однажды назвал своим.

Бармен, мгновенно оценив ситуацию, прибавил громкость. Медленная, тягучая мелодия саксофона заполнила пустоту, создавая иллюзию, что мир за пределами этого круга света перестал существовать. Арман повел её в центр зала.

Они танцевали почти неподвижно. Майя, обычно острая на язык, теперь молчала. Алкоголь всю хозяйничал в её крови, окутывая сознание мягким туманом, но даже эта хмельная храбрость не помогала ей поднять взгляд. Она упрямо смотрела вниз: на свои оксфорды, на его

начищенные туфли, на то, как их тени переплетаются на паркете. Она знала: стоит ей заглянуть в его глаза, и вся её калифорнийская дерзость расплавится. Она боялась просто закричать от осознания того, как невыносимо ей его не хватало.

Арману было больно. Держать её в объятиях после пяти лет пустоты — это было сродни пытке и высшему блаженству одновременно. Он чувствовал через тонкую вязку свитера жар её кожи, слышал её сбивчивое, пахнущее виски и горьким миндалем дыхание. Пять лет он пытался вытравить это ощущение, засыпая в объятиях женщин, чьих имен не хотел помнить. Он убеждал себя, что забыл изгиб её шеи и то, как она замирает, когда он оказывается слишком близко.

Он лгал себе. Каждую секунду этих пяти лет.

Вопросы жгли изнутри. Где она была? Почему Марьям? Кто помогал ей скрываться все эти годы? И самое главное — зачем она вернулась именно сейчас, к свадьбе Кристиана? Но глядя на её макушку, на рассыпавшиеся по его плечу черные волосы, Арман вдруг понял, что сейчас ему не нужны ответы. Пропасть в пять лет никуда не делась, но в этом полумраке она была здесь. В его руках. И этого осознания, горького и пьянящего, ему хватало, чтобы на несколько минут перестать ненавидеть весь мир.

Последний аккорд музыки растворился в тяжелых складках портьер, оставив их в тишине, которая была весомее любого оркестра. Майя, всё еще оставаясь в кольце его рук, медленно подняла голову. В её глазах, подернутых хмельной дымкой, блеснула та самая «гасконская» искра, которую он так ненавидел и которой втайне бредил.

— Ну что, кардинал, — выдохнула она почти в самые его губы, — экзекуция окончена? Вы довольны результатом, или мне ждать этапа в Бастилию прямо сейчас?

Арман тяжело выдохнул, чувствуя, как внутри сворачивается тугий узел досады. Эта броня, этот заимствованный у Себастьяна язвительный тон — лишь попытка вернуть дистанцию там, где их тела только что свели её на нет.

— Пожалуй, будет лучше, если бармен нальет тебе еще, — Арман отпустил её талию, но ладонь всё еще жгло от тепла её тела. — Молчащая Майя нравится мне определенно больше. С ней хотя бы можно дышать в одной комнате.

Майя рассмеялась — горько и коротко. Они вернулись к стойке и заняли свои места, как два боксера, разошедшихся по углам после изматывающего раунда.

— Твое увольнение отменяется, — Майя подмигнула бармену; её движения стали чуть более размашистыми. — Налей мне еще. Сегодня платит его высокопреосвященство.

Бармен, чувствуя себя так, словно балансирует над пропастью, не решался шевельнуться. Он посмотрел на Армана, ожидая окончательного приговора. Тот скуп, почти нехотя, кивнул. Но едва хрусталь коснулся дерева стойки, как уютный полумрак прорезал чей-то звонкий, до приторности радостный голос:

— Арни! Какой сюрприз!

К ним подошла женщина, казавшаяся воплощением всего, что Майя презирала. Элегантное розовое платье, безупречная укладка и шлейф духов настолько дорогих, что их аромат мгновенно вытеснил запах виски и табака. Она подошла к Арману со спины и по-хозяйски — с той долей интимности, которая не оставляет места сомнениям, — положила руки ему на плечи.

Майя узнала её мгновенно. Даже сквозь хмельную дымку этот силуэт невозможно было спутать. Надин Дюбуа. «принцесса Монреалья» и единственная женщина, которую покойный Альфонсо считал достойной фамилии Дюмон.

Надин была живым напоминанием о том, кем Майя никогда не станет. Дочь «алмазного короля», она обладала той мягкой уверенностью, что дается лишь тем, кто с колыбели спит на шелках. В детстве Майя задыхалась от ревности, видя их рядом. Арман и Надин смотрелись как пара с обложки — два наследника империй, идеально дополняющие друг друга.

— Я только что из Амстердама, — зашебетала Надин; её голос напоминал перезвон дорогого хрустала. Она продолжала держать ладони на плечах Армана, а её пальцы в бриллиантах ласково касались его кашемирового джемпера. — Там уже по-весеннему тепло, представляешь? А в Монреале зима не намерена отступить. Я проезжала мимо, увидела твой автомобиль... узнаю его из тысячи. И решила заглянуть. Давно мы не болтали, Арни.

Арман замер. В тусклом свете было видно, как на его скулах заиграли желваки, но он не отстранился. Для него Надин была частью «правильного» мира — мира обязательств, сделок и безупречных репутаций.

Пока Надин, упоенная собственной речью и «случайной» встречей, продолжала щебетать, Майя бесшумно скользнула со стула. Оксфорды мягко коснулись пола. Она чувствовала себя лишним, бракованным элементом в этой картине. Глядя на розовый шелк, обнимающий темно-синий кашемир, Майя поняла: пять лет в Калифорнии не изменили главного. Она всё ещё была Д'Артаньяном — пришлым бойцом без рода и племени. А Надин всегда была королевой.

Майя развернулась и пошла прочь из бара. Её шаги были пугающе твердыми, несмотря на три порции чистого виски. Она не оглядывалась. Каждой клеткой тела она ждала, что за спиной раздастся его голос, что он остановит её, что он сбросит эти холеные руки со своих плеч...

Но за спиной царил тишина, заполняемая лишь приторным щебетом об Амстердаме. Арман не пошел за ней. А Надин, кажется, даже не заметила, что до её триумфального появления «Арни» вообще-то был не один.

Майя вышла в холл отеля, где резкий сквозняк ударил ей в лицо, вырывая из оцепенения. Алкоголь больше не грел. В голове пульсировала одна-единственная мысль: ей нужно найти это видео как можно быстрее. Флешка Альфонсо была её единственным реальным оружием против мира «алмазных королей» и их безупречных сыновей.

Она вернулась сюда не за Арманом. Она вернулась, чтобы забрать то, что принадлежало ей по праву боли, и исчезнуть навсегда — на этот раз под своим настоящим именем. Как Марьям Ахмеди.

Глава 2: Понедельник: Дуэль

Утро понедельника в особняке Дюмонов обычно напоминало работу швейцарских часов: стерильная тишина, запах свежей типографской краски и едва слышный звон дорогого фарфора. Но сегодня Себастьян решил разбить этот механизм. Из мощных колонок, скрытых за резными панелями столовой, на полную громкость лилась босанова. Легкий, солнечный ритм бразильских улиц бесцеремонно врвался в холодные коридоры, совершая настоящий акустический террор над вековой чопорностью дома.

Себастьян, в расстегнутой на две пуговицы рубашке, почти пританцовывал вокруг стола. Он лично поправлял приборы и придирчиво следил за тем, как Бенджамин расставляет вазы с экзотическими фруктами, которые выглядели слишком вызывающе на фоне серого монреальского утра.

Кристиан вошел в столовую, щурясь от яркого зимнего солнца. Заразившись настроением брата, он начал подыгрывать ему, имитируя игру на маракасах.

— Что-то случилось? — Крис перекрикивал музыку, сияя так, будто его свадьба была уже сегодня. — У нас карнавал вместо завтрака?

— А разве этого мало?! — Себастьян на ходу подхватил яблоко и подбросил его в воздух. — Они вернулись, Крис! И они едут на завтрак. А потом мы как-нибудь уговорим этих упрямых придурков забрать чемоданы из отеля и вернуться домой.

Кристиан хохотнул, поправляя манжеты:

— Отличный план. Надеюсь, ты распорядился добавить в кофе таблетки против упрямства, ты же знаешь, Парис даст фору мулу Насреддина в этом виде искусства.

В этот момент музыкальный хаос столкнулся с ледяной реальностью: в столовую одновременно вошли Артур и Арман. Со стороны они казались зеркальными отражениями друг друга в разные периоды жизни: та же безупречно прямая спина, тот же тяжелый, сканирующий взгляд. Разницу выдавали лишь седеющие виски Артура — он принципиально не закрашивал седину — и печать хронического недосыпа на лице Армана.

Оба были затянуты в строгие темные костюмы. Пока младшие братья могли позволить себе праздность и обсуждение планов на вечер, старшие уже несли на плечах громаду «Дюмон-фарм». Для них утро начиналось не с бразильских ритмов, а с графиков котировок и сводок из лабораторий.

Артур, не меняя выражения лица, подошел к своему стулу. Дождавшись, пока Себастьян сделает музыку тише, он медленно опустился на сиденье и сложил руки на столе.

— Сегодня завтрак подается в комплекте с мигренью? — его голос прозвучал сухо, безжалостно разрезая остатки мелодии. — Или мы празднуем то, что в понедельник утром в этом доме окончательно перестали уважать тишину?

Арман сел напротив, храня мрачное молчание. Он не смотрел на братьев. Его взгляд был прикован к пустой тарелке, а перед глазами всё еще стояло белое облако свитера Майи, исчезающей в дверях отеля.

— Мы празднуем возвращение «мушкетеров», Артур, — Себастьян ничуть не смутился, щедро наливая себе кофе. — И если для этого нужно немного шума, я готов притащить сюда целый симфонический оркестр.

Двери столовой распахнулись, и внутрь вместе с морозным сквозняком ворвалась та самая энергия, которой особняк Дюмонов был лишен пять долгих лет.

Парис вошел первым. Он выглядел так, будто провел ночь в жестоком сражении с собственным телом: темно-синие джинсы и свитер в тон подчеркивали нездоровую бледность. Он шел, заметно морщась при каждом шаге, лицо застыло в гримасе плохо скрываемой боли. Не проронив ни слова приветствия, он просто добрался до стола и рухнул на свое привычное

место. В этом жесте было столько обыденности, будто он не пропадал на годы, а просто засиделся в своей комнате за книгой, и теперь его единственное желание — чтобы от него все отвязались.

Следом, словно ослепительная вспышка, появилась Майя. Если вчера в баре она казалась изломанным призраком прошлого, то сегодня предстала настоящей калифорнийкой — дерзкой, витальной и свободной. На ней была простая черная футболка, выгодно подчеркивающая фигуру, и облегающие леопардовые брюки — пощечина строгим стенам особняка. Высокие каблуки звонко чеканили шаг по паркету. Две тугие косы придавали её лицу девичье, почти хулиганское выражение, которое дерзко завершал черный бархатный чокер на шее.

Она сияла. Широкая улыбка не сходила с её губ, словно вчерашний вечер с тремя стаканами виски, удушающая ревность и Надин Дюбуа были лишь дурным сном, растаявшим с рассветом.

— Доброе утро, господа! — звонко произнесла она, обходя стол и по-хозяйски заглядывая в кофейник. — Себастьян, босанова с утра? Ты всегда знал толк в том, как реанимировать это царство вечного сна.

Арман застыл с чашкой в руке, так и не донеся её до губ. Он искал в её глазах хотя бы тень вчерашней слабости, хотя бы отголосок той боли, которая сжигала его самого всю ночь. Но Майя играла свою роль безупречно. Она была живой, ослепительной и совершенно недосыгаемой.

Столовая Дюмонов превратилась в сцену из фильма, где главная героиня решила переписать сценарий под себя. Майя в своих леопардовых брюках скользила по комнате как кошка, наполняя застоявшийся воздух калифорнийским солнцем.

Первым делом она подошла к старому Бенджамину, замершему у сервировочного столика, порывисто обняла его и звонко чмокнула в морщинистую щеку.

— Бенджи, если бы ты знал, как мне не хватало твоего кофе в Стэнфорде! — она понизила голос до доверительного полусшепота, который, впрочем, прекрасно расслышал каждый. — Давай после свадьбы Кристиана сбежим вместе? У нас там большой дом, и обещаю: никакого официоза. Никаких фраков. Наденем на тебя гавайскую рубашку, шорты, и пока я буду пропадать на лекциях, сможешь клеить старушек на пляже в Пало-Альто.

Она весело подмигнула. Пожилой дворецкий, видевший на своем веку всё, внезапно залился густой краской и смущенно принялся поправлять белоснежную салфетку на сгибе локтя.

— Майя, прекрати переманивать мои лучшие кадры! — подал голос Артур. Вопреки строгому тону, в его глазах блеснула тень редкой, искренней улыбки.

Она не заставила себя ждать и подошла к главе семьи и, совершенно игнорируя его ледяной авторитет, поцеловала Артура в щеку:

— Он не кадр, Артур, он — душа этого дома. И я даю слово, что когда-нибудь выкраду его из твоей каменной крепости.

Затем она бесцеремонно опустила на свой стул и, обхватив Себастьяна за шею, чмокнула и его:

— Доброе утро, пухлячок!

Себастьян довольно засиял, а Кристиан, который как раз бережно протягивал Парису стакан воды и обезболивающее, возмущенно вскинул брови:

— Эй! Почему в этой раздаче поцелуев забыли меня? Я тут, между прочим, занимаюсь спасением раненых!

Парис, чей взгляд был прикован к таблетке как к святому Граалю, молча взял её из рук друга. А затем, совершенно неожиданно, притянул Кристиана за затылок и коротко поцеловал его в висок.

— Ну что, малыш, теперь твое эго удовлетворено? — прохрипел он с едва заметной, но очень теплой усмешкой.

Столовая взорвалась хохотом. Даже Артур прикрыл рот ладонью, пряча смех. В эту короткую секунду они снова стали той самой неидеальной, но настоящей семьей, которой были до катастрофы.

Все, кроме Армана.

Он сидел неподвижно, сжимая чашку с кофе. Майя поцеловала всех. Она одарила вниманием дворецкого, главу клана, младшего брата... Она скользнула мимо него так, словно на его стуле никого не было. Этот демонстративный вакуум, оставленный специально для него, жег сильнее вчерашнего виски. Он видел, как она смеется, видел этот вызывающий чокер, и каждое её слово, подаренное другим, впивалось в него как отравленная игла. В её новой жизни он был вычеркнут даже из списка тех, кому полагалась дежурная вежливость.

Тем временем Парис театрально закатил глаза и картинно вытер губы рукавом свитера, хотя на дне его зрачков всё ещё плескалась физическая мука.

— Только не вздумай рассказать об этом Гретте, Крис, — пробормотал он, придвигая к себе тарелку. — Иначе мне придётся надевать белое платье и идти к алтарю вместо неё. А я, признаться, не очень эффектно смотрюсь в фатине.

Кристиан так сильно хлопнул ладонью по столу от хохота, что едва не расплескал кофе Артура.

— Ха-ха! Только если её отец, старик Бергсон, не утопит тебя в реке Святого Лаврентия раньше, чем ты дойдешь до церкви! Он крайне трепетно относится к монополии своей дочери на Дюмонов.

Парис тут же обернулся к сестре, картинно вскинув брови:

— Майя, срочно бронируй билеты, мы вылетаем в Калифорнию. Здесь нам угрожают расправой и принудительным венчанием.

Себастьян с видом триумфатора вонзил вилку в пышный омлет и покачал головой.

— Даже не надейтесь, беглецы. Впервые в жизни я по-настоящему благодарен канадскому климату. Метель парализовала город: аэропорт закрыт, трассы завалены. Вы заперты в этом городе вместе с нами как минимум на ближайшую неделю.

Парис перевел взгляд на окно. За толстым стеклом бесновалась белая пелена, и его лицо снова приобрело землистый, изможденный оттенок.

— Ненавижу этот холод, — негромко произнес он. В его голосе проступила неподдельная горечь человека, чьи старые раны начинают невыносимо ныть при одном взгляде на снег.

Улыбка сошла с лица Майи. Она знала: монреальский мороз для Париса — это не просто погода, это стывшая память о Багдаде. Изящно подцепив десертной вилкой дольку грейпфрута, она замерла на полпути. Её взгляд скользнул по столовой, словно она только сейчас обнаружила отсутствие важного звена в их семейной цепи.

— Кстати, Артур, — Майя посмотрела прямо на старшего брата. — А где Эльза и дети? Вчера, оглушенная обилием красных пайеток и общей суматохой, я совершенно забыла спросить.

Артур аккуратно отложил нож. При упоминании жены его лицо смягчилось, на мгновение, стерев маску сурового функционера.

— Она в Нью-Брансуике, у родителей. Восстанавливается после родов. Там сейчас спокойнее, чем здесь, в эпицентре предсвадебной суматохи.

Майя удивленно вскинула брови:

— У вас родился еще один ребенок?

— Ах, вы же не в курсе! — Кристиан просиял, подаваясь вперед. — У них третий сын. Назвали Луи. Настоящий крепыш, весь в отца.

Парис, до этого сосредоточенно изучавший содержимое тарелки, иронично фыркнул:

— Снова сын? Вы что, Дюмоны, совсем не умеете делать дочерей? Четверо братьев, теперь три племянника... Это какая-то генетическая тирания.

Арман машинально посмотрел на Майю. Этот разговор мгновенно пробил брешь в его самообладании, вытаскивая на поверхность воспоминание, которое он годами пытался похоронить в самом темном углу памяти.

«Я вырасту и выйду за тебя замуж, хочешь ты этого или нет!» — кричала ему четырнадцатилетняя Майя, когда он пытался заставить ее делать уроки. — «А потом я рожу тебе пятерых дочерей! Таких же несносных, как я, чтобы они выпили из тебя всю кровь за все мои страдания!»

Тогда Арман лишь снисходительно усмехался, скрывая, как бешено колотится сердце от этой детской, но пугающе искренней угрозы.

— Фамилия Дюмон не для девочек, — произнес Арман вслух, повторив свою старую фразу. Голос его прозвучал неожиданно хрипло.

Майя замерла. Она мгновенно считала этот выпад. Это был их личный шифр, старый спор, который сейчас эхом отозвался в звенящей тишине столовой. Она прищурилась, и в её глазах на долю секунды мелькнула та самая девчонка из прошлого.

— А что, если все-таки родится дочь? — с вызовом спросила она, в упор глядя на него. — Что, если однажды природа решит, что в этом доме переизбыток тестостерона и фамильного упрямства?

Арман не отвел взгляда. В его зрачках отражался её черный чокер и две тугие косы — символы её новой, отдельной от него жизни.

— Не родится, — отрезал он, и в этом «не родится» слышалось гораздо больше, чем просто рассуждение о биологии. Это был приговор их несбывшемуся будущему. — Исключено. Майя подалась вперед, почти касаясь грудью края стола, и впиалась в него взглядом.

— Ты не ответил на вопрос. Что ты сделаешь, если родится дочь?

— Я найду ей достойного мужа из хорошей семьи, чтобы она как можно скорее перестала быть проблемой Дюмонов, — язвительно бросил он, надеясь, что этот яд заставит её замолчать.

Но Майя не отступила. Она видела, как под его кожей на скулах ходят желваки, выдавая его с потрохами.

— Я спрашиваю в третий раз, Арман. Что ты сделаешь, если в твоей жизни появится дочь?

Арман почувствовал, как внутри закипает ярость — темная, удушливая, смешанная с невыносимой тоской. Ему хотелось закричать, что он был бы счастлив иметь от неё кого угодно: сыновей, дочерей, даже кого-то неизвестного третьего пола... Ему было плевать на престиж, на генетику, на «Дюмонфарм». Он просто хотел, чтобы это были *их* дети. Но признаться в этом сейчас, после пяти лет тишины и её вызывающего игнора, означало признать окончательное поражение. Выбросить белый флаг перед женщиной, которая только что целовала всех, кроме него.

— Ничего не будет, Майя, — прошипел он, едва сдерживая голос, который всё равно предательски сорвался. — Потому что этого никогда не случится. По крайней мере, не в моей ветви этой фамилии.

Тишину, последовавшую за этим горьким признанием, разорвал звук мягких шагов. В дверях появилась Надин. Она выглядела слегка помятой, но триумфально сияющей. На ней было всё то же розовое платье — вчерашний шелк, теперь помятый и хранящий на себе следы долгой ночи. Она прошла к столу с ленивой уверенностью женщины, осознавшей свое право хозяйки положения.

Вчера, когда Майя ушла из бара, не обернувшись, в Армане что-то окончательно рухнуло. Узвленная гордость и дикое, почти животное желание причинить Майе такую же боль, какую чувствовал он сам, толкнули его на безумство. Он привез Надин в особняк. Он провел с ней

ночь — грубую, сухую и пустую, — отчаянно пытаюсь вытравить из памяти запахи ванили и океанской соли - атрибуты новой Майи.

— Доброе утро, — промурлыкала Надин. Она положила ладонь на плечо Армана, похозяйски заглядывая ему в лицо. — Арни, милый, ты так рано выскользнул из спальни. Я даже успела соскучиться.

Майя застыла. Её рука, сжимавшая салфетку, дрогнула лишь на долю секунды. Она смотрела на этот розовый шелк, который в холодном утреннем свете казался ей грязным пятном крови на чистом снегу. Парис же помрачнел, его пальцы впились в край столешницы так, что побелели суставы.

Появление Надин Дюбуа произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все братья понимали: Надин — это не Мелания в пайетках. Она не была одной из тех моделей, которых Арман пачками менял эти пять лет и которых можно было выставить за дверь вместе с чеком на такси. Она была наследницей «алмазного короля». В мире Дюмонов привести такую женщину в родовое гнездо и оставить на ночь означало либо скорое объявление о помолвке, либо объявление войны её отцу. Арман в один ход связал себя обязательствами, от которых невозможно было отмыться, не замавав фамилию.

Артур первым нарушил оцепенение. Он медленно опустил газету, и его взгляд, направленный на Надин, был тяжелым, как могильная плита. Как никто другой, он понимал: этот импульсивный жест Армана может стоить «Дюмонфарм» стратегического альянса или, что хуже, навлечь личную месть Этьена Дюбуа — человека, который не прощал пренебрежения к своей дочери.

— Доброе утро, мадемуазель Дюбуа, — голос Артура звучал подчеркнуто официально, вымораживая остатки гостеприимства. — Надеюсь, ваш автомобиль заглох где-то неподалеку от наших ворот, и мой брат, как истинный джентльмен, просто не смог оставить вас на морозе, предложив провести ночь в гостевом крыле?

Это была неприкрытая, почти отчаянная попытка спасти репутацию фамилии и дать Надин шанс на «пристойный» выход.

Себастьян, однако, не собирался играть в дипломата. Он громко фыркнул, откидываясь на спинку стула и переводя взгляд с разъяренного Армана на пугающе спокойную Майю.

— Старший брат, ты либо пересмотрел фильмов о Челентано, либо ты сущий придурок, — ядовито бросил Себастьян. — Даже Бенджамин знает, что девушки в спальне Армана по ночам не обсуждают поломку карбюратора. К чему этот пафос? Всё же предельно ясно.

Надин, почувствовав на себе перекрестный огонь взглядов, жеманно опустила ресницы. Она выглядела как кошка, дорвавшаяся до запретных сливок, и совершенно не стеснялась своего мягкого розового платья.

— Арни был так убедителен в своем приглашении... — промурлыкала она, нежно сжимая руку Армана. — В такую метель было бы преступлением возвращаться домой.

Майя неспеша перевела взгляд с руки Надин на лицо Армана. Её голос, когда она заговорила, был лишен вчерашней хмельной мягкости — теперь это была сталь, завернутая в бархат.

— Преступление, мадемуазель, — это то, как вы коверкаете его имя. «Арни» — это кличка для спаниеля или комнатного пуделя, но никак не имя этого мужчины.

Арман не верил собственным ушам. В груди болезненно кольнуло: Майя защищала его? Или это была самая изощренная форма издевательства, на которую только она была способна?

Надин, чья улыбка мгновенно превратилась в хищный оскал, окинула Майю оценивающим, ледяным взглядом.

— А вы, собственно, кто такая?

Майя выдержала паузу, достаточно долгую, чтобы тишина в столовой стала осязаемой. Она чуть склонила голову набок, и её косы качнулись в такт движению.

— Я? — Майя обворожительно улыбнулась. — Я, вообще-то, будущая жена Армана.

В этот момент время в особняке Дюмонов остановилось.

Артур, собиравшийся сделать глоток кофе, поперхнулся и зашелся в тяжелом кашле. Парис, чье лицо до этого было маской боли, начал ритмично и громко постукивать тростью по паркету — этот звук напоминал тиканье часового механизма перед взрывом. Арман смотрел на неё, забыв, как дышать. В его глазах читался шок, смешанный с безумной, самоубийственной надеждой.

Лицо Надин стало пунцовым, а затем мертвенно-бледным от ярости. Но прежде чем она успела выплюнуть ответ, Майя звонко и искренне рассмеялась. Этот смех ворвался в столовую, разбивая напряжение на тысячи осколков.

— Помнишь, пухлячок? — Майя весело обернулась к Себастьяну. — Помнишь, как я всё детство терроризировала твоего брата, угрожая выйти за него замуж и превратить его жизнь в ад?

Себастьян, первым почуяв, куда дует ветер, быстро подхватил игру и широко улыбнулся:

— О да! Арман тогда прятался в библиотеке и запирали двери на все засовы.

Майя снова посмотрела на Надин, и в этом взгляде уже не было веселья — только холодное превосходство.

— Успокойтесь, мадемуазель Дюбуа. Это старая семейная шутка. Детские клятвы на крови и всё такое... — Она выпрямила спину, поправляя свой черный чокер. — Сердце нашего мсье... — Майя на секунду замолчала, пронзительно, почти до дрожи глядя Арману прямо в душу. — По крайней мере, его рука — совершенно свободна от обязательств. И у нашего мсье Армана самое красивое имя, — негромко произнесла она, глядя куда-то сквозь Надин. — По крайней мере, второе место в моем личном списке оно занимает по праву.

Надин, чьи пальцы нервно забарабанили по чашке кофе, вскинула подбородок:

— А вы, я так понимаю, большой эксперт в именах?

Парис театрально вздохнул и с грохотом опустил трость на пол:

— Майя - филолог из Стэнфорда, мадемуазель Дюбуа. Она - наше семейное проклятие.

— Да ни черта оно не красивое! — вклинился Себастьян, пытаясь разрядить обстановку, но лишь добавляя ей остроты. — Арман — это же от «hermann», войско, оружие. Сплошная война, дисциплина и насилие. Что тут изящного?

Майя посмотрела прямо на Армана. В этом взгляде было столько невысказанного, что воздух между ними, казалось, начал вибрировать.

— Это с какой стороны посмотреть, Себби.

Арман смотрел на неё не отрываясь. Его зрачки расширились, поглощая её силуэт. Только Майя знала настоящего Армана. Только с ней он когда-то позволял себе быть слабым, живым, настоящим.

— У имени Арман есть и персидские корни, -голос Майи стал глубоким, почти гипнотическим.

Парис усмехнулся, глядя на Надин:

— Я же сказал: филолог из Стэнфорда. Слушайте внимательно, мадемуазель, это бесплатно.

— «Арман» в этом языке имеет почти непере译имое значение, — Майя на секунду замолчала, и эта пауза была пронзительнее крика. — Арман — это шрам, который остается от великой, так и не исполненной мечты. Такой «Арман» живет в сердце каждого человека. Этот шрам — самый драгоценный клад в человеческой душе, память о том, на что ты был готов, но чего так и не достиг. И уж поверьте... — Она смерила Надин уничтожающим взглядом. — Это имя никак не сокращается до «Арни».

— А какое имя первое в твоём личном рейтинге, мадемуазель Майя? — спросил Арман.

Его голос был тихим, но в нем отчетливо слышался лязг металла. Он задал этот вопрос так, словно от ответа зависела его жизнь или, по крайней мере, остатки его рассудка.

Майя пронзительно посмотрела на него. В этом взгляде была целая вечность — их общее детство, их общие шрамы и пропасть последних пяти лет. Парис рядом с ней резко откашлялся, и этот звук прозвучал как предупредительный выстрел. Он единственный знал правду. Он молил бога, чтобы она не выпалила её сейчас, похоронив их миссию под обломками своего признания.

Майя медленно улыбнулась, и эта улыбка была самой опасной из всех, что Арман видел за это утро.

— О... а это, мсье Арман, мой секрет на миллион. Или даже дороже.

— Это наверняка имя её калифорнийского бойфренда! — влез Себастьян, воодушевленный темой. Его глаза азартно блеснули. — Признавайся, Майя, кто этот счастливчик? Серфер с кубиками пресса или какой-нибудь гений из Кремниевой долины? Кто этот номер один, который обошел нашего сурового кардинала?

Арман не сводил с Майи глаз, игнорируя смех Себастьяна. В его голове, как заезженная пластинка, пульсировала мысль: «Кто?!». Кто тот человек, чье имя для неё звучит красивее, чем память о его собственной неисполненной мечте?

Надин почувствовала, что почва уходит у неё из-под ног, и решила сменить тактику на проверенную веками — прямую агрессию под маской светской заботы. Она тонко, едва заметно улыбнулась, окинув Майю взглядом, в котором читалось неприкрытое презрение к её леопардовым брюкам и дерзким косам.

— Филология, Стэнфорд... как это мило, — протянула Надин. — Я слышала, в Пало-Альто очень развита культура «открытых отношений». Должно быть, трудно удержать первое место в списке имен, когда через твою постель проходит целый факультет.

В столовой повисла звенящая, опасная тишина. Артур нахмурился, а Арман медленно, по-хищному подался вперед, и в его глазах вспыхнуло нечто такое, от чего Надин следовало бы замолчать. Но Майя даже не повела бровью. Она лишь шире улыбнулась, и в этой улыбке было столько спокойной уверенности, что Надин внезапно показалась всем присутствующим вульгарной базарной торговкой.

— Ты совершенно права, Надин, — мягко ответила Майя, и её голос был похож на шелк. — Учиться в Стэнфорде — это как оказаться в самой большой и лучшей кондитерской лавке мира. Огромный выбор, сладости на любой вкус и... *размер*.

Она намеренно выделила последнее слово, на секунду задержав взгляд на Армане.

Кристиан внезапно густо покраснел и уткнулся в свою чашку. Себастьян же, напротив, восторженно грохнул ладонью по столу, подхватывая её игру.

— Черт возьми, Майя! — захохотал он. — Сразу видно, что ты не теряла времени зря за учебниками.

Арман медленно откинулся на спинку стула, не сводя с неё тяжелого, потемневшего взгляда. В его голосе зазвучала опасная, почти отеческая покровительственность — последняя попытка вернуть её в те рамки, в которых он мог ею управлять.

— Значит, маленькая Майя... наша девочка, которая когда-то замурировала глаза при каждой откровенной сцене в кино, теперь превратилась в эксперта по сладостям? — он произнес это с едва уловимой усмешкой, надеясь вызвать у неё хотя бы тень прежнего смущения.

Майя лишь изящно повела плечом, принимая вызов.

— Это же Стэнфорд, "дорогой старший брат" . Там учат не только филологии, но и... широте кругозора. И я уже очень давно не «маленькая Майя».

— И? — Арман подался вперед, и его голос упал до опасного шепота — Какой же твой любимый десерт?

Майя на мгновение замолчала, приложив палец к губам и сделав вид, будто решает сложнейшее логарифмическое уравнение. Она наслаждалась этой паузой, чувствуя, как Арман закипает от неопределенности.

— Хмм, дай подумать... — она мечтательно прикрыла глаза. — Есть один потрясающий бразильский десерт. В меню нашего факультета он проходит под названием «Лука Сильва». Знаешь, у него совершенно особенный вкус: невероятно сладкий и в то же время терпкий, обжигающий... оставляющий послевкусие, которое невозможно забыть.

В столовой снова повисла тишина, но на этот раз она была густой и липкой, как тот самый десерт. Парис тихо хмыкнул, пряча улыбку в воротнике свитера — он оценил, как ловко сестра выдумала это имя, чтобы нанести сокрушительный удар по эго Армана.

Себастьян восторженно присвистнул

— Лука Сильва, значит? Бразилия... Да, Майя, в Пало-Альто определенно умеют составлять меню.

Майя не собиралась останавливаться. Вчера была Мелания с её вульгарными пайетками, сегодня — Надин в мятом розовом шелке. Каждая из них была гвоздем в крышке их общего прошлого, и теперь Майя с наслаждением вырывала эти гвозди, втыкая их прямо в сердце Армана.

— Но знаете, мсье Арман... — Майя задумчиво накрутила прядь волос на палец, словно погружаясь в приятные воспоминания. — Иногда по выходным, когда хочется чего-то совершенно особенного, холодного и величественного, я заказываю норвежский десерт. В нашей университетской «кондитерской» он носит имя «Квефьорд». Но мы между собой называем его просто Эрик Эриксон.

Себастьян, не скрываясь, широко улыбнулся. Он единственный знал, что каждое слово Майи — это идеально выверенный яд. Он знал свою лучшую подругу: этот её ледяной цинизм был во многом его заслугой.

— У этого десерта есть одна особенность, — Майя сделала многозначительную паузу, и её голос стал почти мурлыкающим. — Он настолько *большого размера*, что иногда одной его просто не осилить. И тогда я приглашаю подруг. Мы разделяем это удовольствие вместе.

В столовой воцарилось тяжелое, душное безмолвие. Кристиан отвел взгляд, чувствуя, что разговор переходит все границы приличия. Надин же, напротив, сияла. В её глазах читалось торжество: в её примитивной картине мира Майя только что окончательно подтвердила статус калифорнийской девки, у которой нет ничего святого.

Себастьян откровенно наслаждался шоу. Он видел, как Арман бледнеет, как его челюсти сжимаются до скрежета зубов.

— «Квефьорд», говоришь? — подхватил Себастьян, подливая себе кофе. — Самый лучший торт в мире, если верить норвежцам. Много слоев, много крема... и, как ты сказала, размер имеет значение?

Майя сделала небольшую паузу, наслаждаясь тем, как в столовой густеет воздух. Она поднесла к губам чашку, сделала крошечный глоток и продолжила, понизив голос до интимного полусшепота:

— А по праздникам, мсье Арман... по праздникам, когда даже самые изысканные будничные десерты приедаются, я заказываю нечто совершенно особенное. Один тайский десерт. Он состоит из двух частей, абсолютно идентичных... Будь это люди, я бы назвала их «братьями-близнецами». И я съедаю эти две мягкие булочки одновременно.

Кристиан, чье лицо стало пунцовым, почти взмолился:

— Майя, хватит, дорогая! Слава богу, здесь нет Гретты — я бы сторел со стыда прямо на этом месте.

Себастьян, напротив, подался вперед с видом заправского дегустатора. Его глаза азартно блестели; он явно наслаждался тем, как Майя методично доводит старшего брата до белого каления.

— Ты сказала, что ешь их одновременно? — Себастьян сделал наигранно задумчивое лицо. — Хм... Майя, я что-то не припомню такого рецепта в классической кухне. На какой странице Камасутры ты его выписала?

Майя одарила его своей самой светлой и невинной улыбкой, в которой, однако, прятались черти.

— Это совершенно особое издание, пухлячок. Его можно найти только в закрытой секции библиотеки Стэнфорда. Всё-таки, — она бросила мимолетный, уничтожающий взгляд на застывшего Армана, — я просто невыносимо соскучилась по своему университету. Там так много... возможностей для самообразования.

Парис восхищенно покачал головой, в его глазах плясали смешинки:

— Не зря считается что Стэнфорд — самый передовой университет мира! Какая глубокая программа обучения...

Майя обмахнула лицо ладонью, её щеки горели — то ли от азарта схватки, то ли от собственных слов.

— Господи, мне даже жарко стало от этих воспоминаний. Думаю, нам пора. Мне уже совсем не до завтрака.

Она начала подниматься, но холодный голос Артура пригвоздил всех к местам. Старший брат сложил газету с аккуратностью палача, готовящего свой инструмент.

— Майя, вечером у нас семейный ужин в ресторане "Черная Звезда". Будут фон Берги. Прошу тебя, побереги свои... калифорнийские воспоминания от их ушей.

Майя невинно округлила глаза, поправляя чокер:

— Разве я виновата, дорогой брат? Это ведь мадемуазель Надин так настойчиво интересовалась моей жизнью. Я просто удовлетворила её любопытство. Было бы невежливо промолчать.

Артур перевел взгляд на Надин. В этом взгляде не было ни сочувствия, ни интереса — только сухая констатация факта.

— Мадемуазель Надин не приглашена на этот вечер. Ужин — строго семейный.

В столовой воцарилась такая тишина, что было слышно, как за окном бьется об стекло ледяная крупа. Надин застыла, её рука, всё еще лежавшая на ладони Армана, казалась теперь чем-то инородным и жалким. Она посмотрела на Армана, ища защиты, признания, хотя бы одного слова, которое вернуло бы ей статус «хозяйки положения».

Но Арман даже не взглянул на неё. Он резко встал, с оглушительным скрежетом отодвинув тяжелый дубовый стул. Его лицо было бледным, как у покойника, а желваки на скулах ходили ходуном. Не проронив ни слова, не оборачиваясь на любовницу, которую сам же привел в этот дом, он стремительно вышел из столовой.

Тяжелые дубовые двери захлопнулись за Арманом, оставив после себя лишь вибрирующий в воздухе гул и терпкий аромат его одеколona. В столовой воцарилась та самая «дюмоновская» тишина — плотная и неуютная, в которой каждый звук казался лишним.

Себастьян первым нарушил безмолвие. Он откинулся на спинку стула, и в его глазах блеснула привычная ироничная искра.

— Думаю, этот демарш означает, что ваш визит подошел к финалу, Надин, — произнес он, слегка приподняв бровь. — Бенджамин уже вызывает для вас такси.

Надин Дюбуа замерла. Гнев окрасил ее щеки в пунцовый цвет, споря с нежно-розовым шелком ее платья. Она медленно поднялась, демонстративно расправляя складку на подоле, пытаясь вернуть себе самообладание. Ее взгляд, острый как бритва, метнулся к Майе, а затем — на Артура.

— Артур, вы еще горько пожалеете о каждом слове, — прошипела она.

Артур Дюмон даже не повел бровью. Он поднялся с невозмутимым видом, поправляя манжеты.

— Напоминаю, мадемуазель Дюбуа, что не я привел вас в этот дом. И я искренне надеюсь, что наша следующая встреча пройдет в более приличных обстоятельствах. А теперь, если позволите, мне пора в офис.

Когда Надин и Артур покинули столовую, атмосфера мгновенно изменилась. Парис, встал со своего стула, тяжело операясь на свою трость. Раздался сухой стук дерева о паркет — звук, ставший привычным за годы их отсутствия. Он подошел к панорамному окну, заметно припадая на травмированную правую ногу. За стеклом Монреаль утопал в неистовой метели; белые вихри почти полностью скрыли очертания города.

— Ну что, раз наши старшие и грозные Дюмоны покинули пост, может, развлечемся? — Себастьян хитро прищурился. — Поедем в клуб, сыграем партию в бильярд?

Парис обернулся, скептически взглянув на бушующую за окном стихию.

— Ты видел погоду? В такой буран надо сидеть у камина, а не нестись в клуб. С моей ногой только по обледенелым тротуарам прыгать, — ворчливо заметил он.

— А мне нравится эта идея, — поддержал Кристиан. — Дороги еще не замело, прорвемся. Это лучше, чем сидеть здесь и переваривать этот завтрак.

Майя же кажется растеряв всю дерзость, тихо вздохнула. Ее взгляд стал рассеянным, словно она видела что-то недоступное остальным.

— А я... я не играла в бильярд целую вечность. С тех пор, как мы уехали.

В столовой на мгновение стало совсем тихо. Все трое мужчин посмотрели на Майю, и в этом взгляде читалось общее воспоминание. Они вспомнили, как Арман, чемпион Оксфорда по бильярду, фанатично обучал её игре. Парис делая знак Бенджамину подать верхнюю одежду обратился к сестре:

— Раз так, придется ехать. Посмотрим, насколько хорошо ты помнишь уроки Армана. Пора возвращать старую форму, тем более что мы только вчера ступили на эту землю.

Они направились к выходу, и ритмичный стук трости Париса вторил их решимости встретиться с прошлым лицом к лицу, даже если для этого нужно было пробиться сквозь монреальскую метель.

Внедорожник Себастьяна швыряло из стороны в сторону, когда он пробивался сквозь завалы Шербрук-стрит. Себастьян, вцепившись в руль с азартом камикадзе, то и дело прибавлял газу, заставляя машину эффектно уходить в занос.

— Себастьян, ради всего святого! — проворчал Парис, крепче сжимая свою трость и упираясь свободной рукой в приборную панель. — Если ты нас угробишь, я лично прослежу, чтобы на твоём надгробии написали: «Он слишком торопился в бар».

— Не ной, Парис! — Себастьян азартно крутанул руль, выравнивая машину после очередного скольжения. — В Монреале выживает либо быстрее, либо тот, у кого танк мощнее. Крис, скажи ему!

Кристиан, расслабленно откинувшийся на заднем сиденье рядом с Майей, усмехнулся:

— Парис, расслабься. У Себастьяна просто комплекс неполноценности из-за того, что Арман водит «Астон Мартин», а ему доверяют только семейный броневик. Он пытается доказать сугробам, что он — Шумахер.

— Я доказываю это не сугробам, а силе гравитации! — огрызнулся Себастьян, перескакивая через обледенелый бордюр. — Майя, ты там как? Жива?

Майя не ответила. Она не участвовала в их привычной перепалке, которая обычно её забавляла. Прижавшись лбом к холодному стеклу, она смотрела, как белая мгла поглощает очертания домов. В её голове, перекрывая гул мотора и хохот братьев, набатом било всего одно слово.

Исключено.

Арман произнес это с такой ледяной уверенностью, будто вычеркнул саму возможность жизни из истории их рода. Для него это был спор о генетике и престиже фамилии. Для неё — приговор.

Майя медленно опустила руку вниз. Под грубой тканью леопардовых брюк, там, где кожа была стянута тонкой, почти невидимой линией шрама от кесарева сечения, она почувствовала знакомое покалывание. Этот шрам был её личной картой боли, её единственным доказательством того, что мир Дюмонов — лживый и пустой.

— Он отказался от тебя, даже не зная, что ты существуешь, малышка... — едва слышно выдохнула она в заиндевшее стекло.

Её губы едва шевельнулись, а голос потонул в очередном взрыве смеха Себастьяна, который едва не снес почтовый ящик на повороте. Никто не услышал. Никто не заметил, как её пальцы судорожно впились в ткань брюк, пытаясь через боль дотянуться до того самого сокровенного воспоминания, которое теперь жило далеко от этого заснеженного замка.

— Приехали! — торжествующе объявил Себастьян, резко затормозив у тяжелых дверей «Le Cercle». — Кто последний в зал, тот платит за первый раунд виски!

Майя мгновенно нацепила на лицо привычную маску калифорнийской беззаботности. Она первой выпрыгнула из машины в колючую метель, позволяя ледяному ветру высушить непрошеную влагу в уголках глаз.

Дверь клуба «Le Cercle» захлопнулась за ними, отсекая вой монреальской метели. Внутри царил полумрак, пахло старой кожей, дорогим воском и едва уловимым ароматом селективного табака.

Менеджер, седовласый мужчина в безупречном жилете, мгновенно вытянулся в струнку. Его взгляд зафиксировался на Себастьяне.

— Мсье Дюмон, какая неожиданность в такую погоду. Ваш стол готов, как и всегда.

Себастьян изменился в лице. Та ребячливость, с которой он только что подрезал почтовые ящики на внедорожнике, испарилась. Плечи расправились, подбородок чуть приподнялся, а во взгляде появилось то самое фамильное высокомерие, которое Майя называла «синдромом Дюмона». Он кивнул менеджеру с едва заметной, ленивой благосклонностью истинного аристократа.

Парис, хромая за ним и опираясь на трость, поморщился.

— Посмотрите-ка на него, — негромко бросил он Майе. — Из шута в принцы за долю секунды. Себ, если ты сейчас начнешь требовать, чтобы шары натирали шелком девственниц, я запущу в тебя пепельницей. Это превращение выглядит пугающе естественно.

Себастьян даже не обернулся. Не спрашивая разрешения и не дожидаясь приглашения, он по-хозяйски прошел вглубь заведения, направляясь к тяжелым двойным дверям вип-зала. Хотя клуб из-за непогоды стоял абсолютно пустым, и они могли занять любое место, Дюмонам не нужно было «любое». Им нужно было их законное.

В вип-зале под низкими зелеными абажурами царила тишина. Парис с тихим вздохом облегчения опустил в глубокое кожаное кресло у камина. Кристиан сел рядом, вытянув ноги и чувствуя, как тепло начинает разливаться по телу.

— Виски, мсье? — бесшумно возникший официант уже держал поднос.

— Самый старый, что у вас есть, — распорядился Кристиан.

Пока друзья обустроивались, Себастьян и Майя подошли к стойке с киями. Себастьян медленно проводил пальцами по полированному дереву, выбирая инструмент так тщательно, словно это была дуэльная шпага. Майя стояла рядом. Она чувствовала, как в пальцах просыпается старая мышечная память. Её рука потянулась к кию из темного, почти черного дерева.

— Ну что, Майя, — Себастьян мелил кий, глядя на неё через плечо с хищной улыбкой. — Покажешь нам, чему тебя научил «второй Дюмон», или калифорнийское солнце расплавало твою хватку?

Майя не ответила. Зеленое сукно под конусом света казалось ей не полем для игры, а зыбучим песком. Она видела шары, видела траектории, но в ушах всё еще стоял ледяной голос Армана: «*Исключено*». Это слово заполнило всё пространство, мешая дышать и точно прицелиться.

Себастьян, напротив, был в своей стихии. Он двигался вокруг стола с грацией сытого леопарда, наслаждаясь каждым промахом подруги.

— Майя, дорогая, ты бьешь по шару так, будто это не кий, а палка для селфи, — язвительно бросил Себастьян, с сухим стуком загоня «свояка» в угловую лузу. — В Стэнфорде бильярд преподают теоретики-пацифисты? Твой удар мягче, чем риторика либералов.

Майя стиснула зубы, чувствуя, как под пальцами, сжимающими эбеновое дерево, потеют ладони. Она выставила мост, прищурилась, пытаясь поймать ту самую точку, но перед глазами всплыло розовое платье Надин и ее рука на плече Ариана. Кий сорвался, издав противный свистящий звук. Кикс.

— О боже, — Себастьян театрально схватился за сердце, переводя взгляд на скучающих Париса и Кристиана. — Вы это видели? Кажется, наша калифорнийская дива разучилась попадать даже по неподвижным объектам. Может, нам пригласить Надин? Она, по крайней мере, вчера отлично попала... в нужную спальню.

— Заткнись, Себ, — процедила Майя, не оборачиваясь. Её голос дрожал от подавляемого гнева.

— О, кошечка выпустила коготки? — Себастьян легко, почти не целясь, отправил в лузу еще один шар.

Майя снова наклонилась над столом. Она видела идеальный дуплет, но в голове пульсировала мысль о шраме на животе. Он отказался от дочери. Он отказался от нас. Гнев ослепил её. Удар был слишком сильным, шар срикошетил от борта и бессмысленно замер на середине стола, подставив Себастьяну идеальную позицию.

— В сухую, Майя. Ноль — пять, — констатировал Себастьян, бросая кий с видом победителя. — Ты проигрываешь мне так позорно, что Арман потребовал бы вернуть ему все часы, потраченные на твоё обучение.

— Я просто не в духе, — Майя резко выпрямилась и тоже бросила кий на стол. Звук удара дерева о дерево прозвучал как выстрел.

— Ты не «не в духе», — Себастьян внезапно перестал улыбаться, его голос стал жестким и пронизательным. — Ты всё еще там, в столовой, пытаешься выцарапать глаза той розовой кукле.

Парис с дивана внимательно наблюдал за сестрой. Он видел, как она тяжело дышит, как её пальцы судорожно сжались на краю стола. Майя и Себастьян отошли от стола и сели на кожаный диван.

Майя заказала себе горячий какао. Она обхватила чашку обеими ладонями, пытаясь согреться о густой, дымящийся напиток. Аромат шоколада должен был успокаивать, но он лишь смешивался в её сознании с запахом дорогого табака и бильярдного мела, которыми всегда пахло от Армана. Она смотрела в темную глубину какао, и мир вокруг неё начал расплываться, превращаясь в бессмысленный шум. Голоса братьев доносились до неё словно сквозь слой ваты или толщу океанской воды.

Себастьян, не выносящий тишины, которую он считал личным оскорблением, театрально всплеснул руками:

— Официально объявляю тебя самой неуклюжей гусыней Монреаля! Майя, это было позорно. Как ты могла так проиграть? Ты мазала по шарам так, будто у тебя внезапно развилась куриная слепота.

— Остынь, Себастьян, — Кристиан поморщился, откидываясь на спинку кожаного дивана. — Не видишь, она не в себе. Утро выдалось... специфическим. Оставь её в покое.

— Это я вообще-то не в себе! — возмутился Себастьян, с таким видом, будто он только что выиграл чемпионат мира, а не партию у подавленной девушки. — Я проделал такой путь в эту апокалиптическую погоду, рисковал своей идеальной укладкой и подвеской внедорожника ради достойной партии, и что в итоге? Такое разочарование!

Парис, заметив, как Майя еще сильнее сжалась, пристукнул тростью по полу, пресекая поток красноречия Себастьяна.

— Зато она лучше тебя в серфинге, Себ, — спокойно и веско произнес он. — Там не нужно стоять в кондиционированном зале и целиться в лузы. Там нужна смелость, которой у тебя хватит ровно до первой приличной волны. Так что прилетай к нам в Калифорнию, и она обыграет тебя на доске так, что ты будешь глотать соленую воду до конца отпуска.

— О, ну конечно! — фыркнул Себастьян. — Сразу пошли козыри про Тихий океан. «Прилетай в Калифорнию, Себ, там смузи из сельдерея и парни в гидрокостюмах». А здесь у нас суровая реальность, где Майя Стюарт только что проиграла в сухую человеку, который даже не старался!

— Она просто думает о стратегии, — вставил Кристиан, пытаясь смягчить углы. — Или о том, как бы незаметно подсыпать тебе в виски слабительное.

— Да она вообще не с нами! — Себастьян пощелкал пальцами перед лицом Майи. — Земля вызывает Майю! Ты там заснула или мысленно уже составляешь меню из новых «десертов» для Армана?

Майя не шелохнулась. Её взгляд был прикован к крошечному пузырьку на поверхности какао. Она слышала их, но слова не задерживались в сознании. В её голове всё еще пульсировал шрам под леопардовой тканью брюк — метка, которую она носила как тайный орден. «Исключено». Она ведь втайне мечтала, как однажды привезет дочь в этот город, и что Арман будет несказанно счастлив, когда увидит в её чертах свое собственное упрямство.

— Эй, я с кем разговариваю? — Себастьян надулся. — Кристиан, налеп мне еще. Кажется, я сегодня буду пить за двоих: за свой триумф и за её безвременно погибший спортивный азарт.

Майя медленно подняла глаза. В них не было привычной язвительности, только бесконечная, выматывающая прозрачность.

Себастьян хитро прищурился, глядя на отрешенное лицо Майи. Его не пугал её транс, его пугала тишина.

— О нет, дорогая, я не позволю тебе превратиться в соляной столп. Я знаю, как вернуть тебя на Землю. Это будет сеанс шоковой терапии.

Прежде чем кто-то успел его остановить, он выхватил смартфон и быстро отыскал номер в списке контактов. Кристиан и Парис напряглись. Себастьян прижал палец к губам, призывая к молчанию, и, как только на том конце подняли трубку, его лицо преобразилось. Он не просто заговорил — он запел капризным, жеманным голосом Надин Дюбуа, идеально имитируя её интонации:

— Арни-и-и, милый... — Себастьян накрутил на палец воображаемую прядь волос, закатывая глаза. — Мы тут с девчонками решили немного развлечься и зашли в клуб. И представляешь, какая досада: я совершенно забыла, с какой стороны держать этот длинный кий! Тут такие сложные шары... Может, ты подскочишь к нам? Спасешь свою маленькую девочку?

В трубке воцарилась гробовая тишина, а затем послышался глухой, яростный рык Армана и отборная ругань, от которой даже у привычного к многому Себастьяна приподнялись брови.

Майя мгновенно «вернулась». Её глаза расширились, какао едва не выплеснулось на леопардовые брюки. Она вскочила с места и с размаху ткнула Себастьяна кулаком в живот.

— Ты что творишь, идиот?! Отключи немедленно!

Себастьян, согнувшись от удара, но не теряя артистизма, продолжил в трубку, задыхаясь от смеха и боли одновременно:

— Ну же, сладкий, не вредничай! Мы так тебя ждем... Приезжай, пока я не испортила всё сукно!

Из динамика донеслось еще одно проклятие — Арман явно был на грани того, чтобы разбить телефон о стену. Майя, не раздумывая, бросилась на Себастьяна, выхватила у него аппарат и с силой нажала на кнопку сброса.

— Ты совсем из ума выжил? — прошипела она, её лицо горело. — Ты представляешь, что он сделает, когда поймет, что это ты?

— Он уже понял, — захохотал Себастьян, потирая ушибленный живот. — Но ты посмотри на себя! Ты снова живая! Глаза горят, щеки розовые. Можешь не благодарить за реанимацию.

Парис, который до этого наблюдал за сценой с выражением легкого ужаса, вдруг поставил бокал на стол.

— Ставлю пятьсот евро, что он не приедет. Он слишком зол на неё, чтобы вестись на такие дешевые провокации.

— О нет, брат, — Кристиан азартно подался вперед, в его глазах зажегся огонек игрока. — Ты плохо знаешь Армана. Его это только что задело дважды: сначала «Надин» выставила его дураком, а потом он понял, что мы сидим здесь и ржем над ним. Он приедет просто для того, чтобы свернуть Себастьяну шею. Ставлю тысячу — он будет здесь через пятнадцать минут.

Майя молчала, слушая, как бешено колотится её сердце. Она знала Армана. Знала, что его ярость — это всегда действие. За дверями клуба выла метель, и мысль о том, что Арман сейчас может пробиваться сквозь снежные завалы только из-за одной глупой шутки, вызывала у неё странную, болезненную смесь страха и торжества.

— Он не приедет, — Майя бессильно опустила в кресло, пряча лицо в ладонях. — Он сейчас в офисе, у него фон Берги на уме и Артур за спиной. Ему плевать, где и с кем Надин... и уж точно плевать, где мы.

Себастьян, потирая ушибленный живот, выпрямился и хитро прищурился. В его глазах плясали бесы — он чувствовал, что нащупал самую слабую струну в душе подруги.

— Хорошо, Майя, раз ты так уверена в его безразличии... Давай поднимем ставки. Если этот «кардинал» ворвётся сюда в ближайшие пятнадцать минут, ты сыграешь с ним партию. И если ты проиграешь... — Себастьян сделал театральную паузу, — то ты при всех нас и при нём во всеуслышание назовёшь то самое имя. Номер один в твоём личном рейтинге. То, которое стоит выше Армана.

Майя резко побледнела. Чашка с какао дрогнула в её руках. Она бросила быстрый, полный паники взгляд на Париса.

Тот мгновенно подобрался, его лицо стало жёстким. Он единственный знал, что скрывается за этим «первым местом». Это не было именем калифорнийского серфера или гения из Кремниевой долины. Это было имя маленькой девочки, которая сейчас спала за тысячи километров отсюда, и чьё существование было единственной связью Майи с Арманом — связью, которую она поклялась защищать любой ценой.

— Исключено, Себ, — отрезал Парис, крепче сжимая набалдашник трости. — Ты переходишь границы. Это личное. Оставь её в покое.

— Ой, да брось, Парис! — Кристиан, задетый азартом, подался вперёд. — Это просто игра! Майя сама начала этот разговор за завтраком. Если она такая смелая в словах, пусть подтвердит это на деле. Я поддерживаю Себа. Ставлю на то, что Арман будет здесь через пятнадцать минут, и Майе придётся раскрыть карты.

— Майя, не соглашайся, — тихо сказал Парис, глядя сестре прямо в глаза, пытаясь передать ей своё предупреждение. — Это плохая затея. Ты не в том состоянии, чтобы играть с ним.

Майя посмотрела на пустой вход в зал, затем на Себастьяна.

— Он не придет, — её голос звучал глухо, но уверенно. — Он достаточно зол после завтрака. Ему сейчас не до «Арни» и не до бильярда.

— Тогда тебе нечего бояться, — подмигнул Себастьян. — Соглашайся. Или ты всё-таки трусишь?

Майя выпрямилась, её подбородок взлетел вверх.

— Хорошо. Но если он придет, и я его обыграю... — она сделала шаг к Себастьяну, и в её глазах вспыхнул холодный огонь, — то ты, Себ, явишься на сегодняшний семейный ужин с фон Бергами в юбке. В самой короткой, которую мы сможем найти в гардеробе Эльзы.

Себастьян поперхнулся виски, а Кристиан расхохотался так, что едва не свалился с дивана.

— Идёт! — Себастьян протянул руку, скрепляя пари. — Но помни, Майя: Арман — чемпион Оксфорда. Он не проигрывал ни разу и никому.

Парис бессильно откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Он слышал, как за окнами клуба завывает ветер, и молился только об одном: чтобы Арман Дюмон проявил благоразумие и остался в своём офисе. Потому что если он переступит порог этого зала, игра в «десерты» может превратиться в настоящую катастрофу.

— Одиннадцать минут осталось, — Кристиан взглянул на часы.

Минуты капали в тишине зала, словно тяжелые капли ртути. Себастьян то и дело поглядывал на свои «Ролексы», Кристиан нервно постукивал пальцами по кожаному подлокотнику, а Парис... Парис, казалось, начал наконец дышать. Напряжение в его плечах спало, он расслабленно откинулся назад, пряча в уголках губ торжествующую улыбку. Он уже чувствовал вкус победы — горько-сладкий вкус сохраненной тайны.

Майя, почуввав близость триумфа, расцвела. Она заказала вторую порцию какао и теперь с нескрываемым удовольствием рассматривала Себастьяна, словно прикидывая фасон той самой юбки.

— Себ, — протянула она, сверкая глазами, — я думаю, тебе пойдет плиссировка. Или, может быть, дерзкое мини в пайетках? У Эльзы наверняка найдется что-то подходящее. Ты будешь звездой вечера, фон Берги оценят твои коленки.

Кристиан сочувственно покачал головой, глядя на брата:

— Прости, Себастьян, но я уже вижу тебя в розовом. Кажется, твоё чутье аристократа на этот раз дало осечку. Арман — не тот человек, который в такую метель потащится в клуб ради каприза любовницы.

Себастьян молчал. Он не спорил, не ерничал. Он просто смотрел на дверь вип-зала с какой-то фаталистичной уверенностью игрока, который поставил на кон всё и знает, что шарик рулетки еще не остановился.

И в этот момент, когда Парис уже готов был объявить время истекшим, тяжелые дубовые двери распахнулись.

В зал вошел Арман.

Холод метели, казалось, ворвался вместе с ним, мгновенно вытесняя уютное тепло камина. Он был в том же безупречном черном костюме, что и за завтраком — строгий, застегнутый на все пуговицы, пугающе неподвижный в своей ярости. Менеджер клуба, бледный и подобострастный, семенил за ним, благоговейно принимая из его рук тяжелое кашемировое пальто, еще покрытое тающим снегом.

Майя замерла с чашкой у самых губ. Веселье испарилось, как иней под паяльной лампой.

Арман не смотрел ни на братьев, ни на застывшего в кресле Париса. Его ледяной, сканирующий взгляд мгновенно нашел Майю. В этом взгляде не было ни капли той «нежности», на которую рассчитывал Себастьян, изображая Надин. Там была темная, густая ярость человека, который понял, что его разыгрывали, но всё равно пришел, потому что не мог не прийти.

— Арни приехал, — прошептал Себастьян, и в его голосе смешались ужас и восторг победителя. — Майя, готовься. Кажется, пришло время для «первого номера».

Арман пересёк зал за три широких шага. Прежде чем кто-то успел вставить слово, он мёртвой хваткой вцепился в лацканы дорогого пиджака Себастьяна, едва не приподнимая его над полом. В его глазах полыхало не просто раздражение — там была ледяная ярость человека, которого сорвали с места унижительной игрой.

— Ты что творишь, идиот? — прорычал Арман прямо ему в лицо. Его голос вибрировал от ярости. — Какого чёрта ты устраиваешь этот цирк среди рабочего совещания?

Себастьян, несмотря на то, что его воротник трещал, сохранил на лице маску невинного мученика. Он поднял руки ладонями вперёд, призывая к миру, и скосил взгляд на застывшую Майю.

— Спокойно, Арни, спокойно! Я ни при чём, — быстро затараторил он, вкладывая в голос максимум притворного сожаления. — Это всё она. Наша калифорнийская звезда. Представляешь, она заявила, что совсем забыла твои уроки. Сказала буквально: «Ничего не хочу знать ни об Армане, ни о его бильярде». Мол, всё это вчерашний день и зря потраченное время.

Майя почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Ложь Себастьяна была такой наглой и так точно била в цель, что она на секунду лишилась дара речи.

— Прекрати, Себастьян! — наконец выдохнула она, вскакивая с места. — Это уже не смешно. Ничего подобного я не говорила!

Но Себастьян, почувствовав, что Арман немного ослабил хватку, продолжал «подливать бензин», не обращая на неё внимания:

— Меня так разозлило то, как она о тебе отозвалась, что я не выдержал. Мы поспорили. Если она проиграет тебе в партию — а она проиграет, ты ведь лучший из нас, Арман, чемпион Оксфорда, — то она во всеуслышание назовёт нам имя своего калифорнийского бойфренда. Того самого, который в её списке «номеров» стоит выше тебя.

Руки Армана медленно разжались, отпуская пиджак Себастьяна. Он медленно обернулся к Майе. Его взгляд стал тяжёлым, почти осязаемым. В нём боролись гордость оскорблённого учителя и жгучая, первобытная ревность мужчины, которому только что объявили, что его место в её сердце занято кем-то другим.

Парис на диване побелел. Он видел, как ловушка захлопнулась. Теперь Арман не уйдёт. Его самолюбие было задето так глубоко, что он не сдвинется с места, пока не уничтожит её на этом зелёном сукне и не вырвет из неё это проклятое имя.

— Вот как? — Арман сделал шаг к бильярдному столу, не сводя глаз с Майи. — Значит, мои уроки были «зря потраченным временем»?

Он медленно начал расстёгивать пуговицы своего пиджака, аккуратно снимая его и бросая на руки подоспевшему менеджеру. Затем начал медленно закатывать рукава черной рубашки, обнажая сильные, напряжённые предплечья.

— Бери кий, Майя, — голос Армана стал пугающе спокойным. — Давай проверим, насколько хороши «уроки» твоего калифорнийского номера один.

Майя сделала глубокий вдох, умирив дрожь в пальцах. Она поняла: если она продолжит дрожать, Арман уничтожит её за пару минут. Единственный способ выжить — это стать той циничной «калифорнийской шлюхой», которую в ней видела Надин, и которую Себастьян взрастил своим цинизмом.

Майя обошла стол с кошачьей грацией. На ней были те самые леопардовые брюки, которые при каждом движении подчеркивали изгиб бедер. Она знала, что Арман смотрит. Она знала, что он фиксирует каждую деталь.

— Скажи, Арман, — начала она, медленно наклоняясь над столом для удара, так что ткань натянулась до предела. — Твоя мадемуазель Дюбуа... она ведь такая покладистая, верно? Наверняка слушается каждого твоего приказа. Не то что я.

Она нанесла удар. Шар с глухим звуком упал в лузу. Майя выпрямилась, обернулась и встретила его потемневший взгляд.

Арман не спеша подошел к стойке, взял мел и начал втирать его в наконечник кия медленными, почти медитативными движениями. Его глаза не отрывались от её губ.

— Покладистость — это скучно, Майя, — негромко отозвался он, и его голос вибрировал от скрытого напряжения. — Но иногда мужчине нужно просто... отдохнуть от вечной борьбы. Хотя, должен признать, после тебя любой десерт кажется пресным.

Он подошел к столу, но вместо того чтобы ударить, замер, оказавшись в опасной близости от неё.

— А твой «номер один»? — Арман понизил голос, так что его услышала только она. — Он умеет находить твои... болевые точки? Или ты сама направляешь его руку?

Майя почувствовала, как по спине пробежала волна жара. Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Её кий уперся ему в грудь, прямо в область сердца.

— Ему не нужны мои слабые точки, Арман. В отличие от тебя, он не пытается меня «воспитывать». Он просто... наслаждается процессом.

Арман перехватил её кий рукой, медленно скользя пальцами по дереву вниз, пока его рука не оказалась в считанных сантиметрах от её пальцев.

— А вот я помню, — прошептал он, склоняясь к её уху, — как ты дрожала, когда я просто касался твоей шеи. Твой калифорниец знает, где находится та самая точка, которая заставляет тебя забыть собственное имя?

— Он заставляет меня выкрикивать его имя, — парировала Майя, хотя её дыхание сбилось. — И поверь, оно звучит гораздо слаще, чем «Арман».

Она резко отстранилась и забила сложный шар, даже не глядя на него. Счет был равным.

Кристиан на диване нервно поправил галстук.

— Себастьян, скажи мне, что они просто играют в бильярд, а не пытаются раздеть друг друга взглядами. Это становится невыносимым.

— О, это гораздо лучше, чем просто секс, Крис, — прошептал Себастьян, не отрывая глаз от пары. — Это прелюдия длиной в пять лет. Смотри, как он берет кий. Он хочет её уничтожить и трахнуть одновременно.

Парис сидел, сцепив пальцы на набалдашнике трости так, что костяшки побелели. Он видел, как Арман подошел к Майе, когда настала его очередь бить. Арман намеренно притерся к ней плечом, проходя мимо.

— Ты промажешь, Майя, — выдохнул Арман, наклоняясь над столом так, что его бедро прижалось к её бедру. — Потому что ты всё еще чувствуешь мой запах. Потому что твое тело помнит мой ритм лучше, чем любую теорию из своих учебников.

— Ты слишком самоуверен, «кардинал», — Майя обернулась, их лица оказались в сантиметрах друг от друга. — Твой ритм давно сбился. Теперь я задаю темп. И если ты не заметишь... я всё еще не проиграла.

Арман резко нанес удар. Шар ворвался в лузу с такой силой, что, казалось, мог расколоть стол. Он выпрямился, тяжело дыша, и посмотрел на неё с вызовом.

Майя забила предпоследний шар. Глухой стук падения в лузу прозвучал в тишине зала как окончательный вердикт. Теперь на столе оставался последний шар — и это был ход Армана. Математически это означало тупик: даже если он забьёт, партия закончится вничью. А ничья означала, что Майя сохранит свою тайну и имя «номер один» останется непроизнесенным.

Но Майе этого было мало. Ей была нужна не просто безопасность — ей была нужна полная, сокрушительная победа над человеком, который считал, что всё ещё имеет над ней власть.

— Господи, — выдохнула Майя, откладывая кий в сторону. — Здесь стало так жарко... Вы чувствуете? Словно в этом клубе внезапно включили обогрев на полную мощность.

Она стояла прямо перед Арманом, который уже наклонился над столом, выстраивая траекторию последнего удара. Майя медленно потянулась к подолу своей чёрной футболки, заправленной в облегающие леопардовые брюки. Одним плавным, почти небрежным движением она вытянула ткань и подняла её вверх, делая вид, что вытирает подолом капельки пота со лба.

На несколько долгих секунд её плоский живот, изящный изгиб талии и кружево белья под грудью оказались на полном обозрении Армана. Это было секундное мгновение — вспышка нежной кожи в полумраке зала, освещённая лишь низко висящей лампой над столом.

Арман замер. Его рука, державшая кий, на мгновение окаменела. Он был не просто опытным игроком — он был «кардиналом», человеком с железным самообладанием. Он прекрасно понимал, что Майя его провоцирует. Он видел этот блеск в её глазах, эту торжествующую усмешку, спрятанную за краем футболки. Но понимание не спасало.

Картинка — её обнажённая кожа, этот дерзкий жест, аромат её тела — ударила по его чувствам мощнее, чем любой из её язвительных комментариев. Его мозг, обычно работающий как швейцарские часы, на долю секунды выдал системный сбой. Вся его концентрация, вся его «оксфордская» выдержка рассыпались в прах.

Он попытался нанести удар. Кий скользнул по шару, издав тихий, позорный звук — кикс. Шар лишь лениво откатился в сторону, даже не коснувшись борта.

В зале воцарилась оглушительная тишина.

— Мимо, Арни, — почти пропела Майя, медленно опуская подол футболки и поправляя пояс брюк. Она сияла. Это была чистая, незамутнённая победа.

— О-о-о... — Себастьян первым нарушил молчание, присвистнув и откидываясь на спинку кресла. — Это было... грязно. Это было абсолютно вне правил, Майя, но это было гениально. Кристиан, ты видел? Наш непобедимый брат только что проиграл из-за куска трикотажа и пары дюймов кожи.

Кристиан лишь покачал головой, пряча улыбку в бокале с виски:

— Я видел, как рушатся империи, Себ. Но я не думал, что империя Армана Дюмона падёт из-за «жары» в бильярдном клубе.

Парис выдохнул так громко, что это было похоже на стон облегчения. Он снова откинулся на диван, чувствуя, как пульс возвращается в норму. Тайна была спасена. Имя его маленькой племянницы осталось при них.

Арман медленно выпрямился. Его лицо было бледным, а взгляд — тёмным и тяжёлым. Он не смотрел на братьев. Он смотрел на Майю, которая стояла перед ним, гордая и неприступная в своём триумфе. Он понимал, что она его переиграла. Не на сукне — в той первобытной игре, где у него не было шансов с самого начала.

— Ты выиграла, Майя, — произнёс он низким, хриплым голосом. — Надеюсь, эта победа стоит того... климата, который ты здесь создала.

— Стоит каждой секунды, «дорогой старший брат», — Майя подошла к нему вплотную и, забрав у него кий, поставила его в стойку. — Теперь ты знаешь: в Стэнфорде учат не только теории. Там учат использовать все доступные ресурсы для достижения цели.

Себастьян уже вскакивал с места, предвкушая вечер:

— Ну что, господа проигравшие! Раз Майя победила, значит, имя «номер один» остаётся в секрете, а я... — он запнулся, вспоминая условие пари, и его лицо вытянулось. — Подождите. Если она выиграла у Армана... то я должен явиться на ужин в юбке?

Майя обернулась к нему с самой ослепительной улыбкой, которую Себастьян видел в своей жизни.

— Именно, Себби. Самой короткой, которую мы найдём. Думаю, у Эльзы есть пара отличных вариантов в стиле «диско». По коням, мальчики! Нам пора готовиться к встрече с фон Бергами

Ужин с фон Бергами напоминал идеально отрепетированный спектакль. Тяжелые бархатные шторы отсекали звуки заснеженного Монреаля, а звон хрустала заглушал отголоски дневных драм.

Артур Дюмон восседал во главе стола с видом человека, который полностью контролирует ситуацию.

— Прошу прощения за отсутствие моего брата, — произнес он, слегка наклонив голову в сторону Гретты и её родителей. — Срочные дела в Нью-Йорке потребовали его личного присутствия. Арман крайне сожалеет, что не может быть с нами в этот важный вечер.

Ложь Артура была гладкой, как шелк, но все присутствующие — кроме, пожалуй, самих фон Бергов — понимали её цену. В такую метель даже птицы не рискнули бы взлететь, не то что частный джет в Нью-Йорк. Арман просто не мог выйти к ним. Он не мог сидеть за одним столом с женщиной, которая лишила его брони, и при этом делать вид, что обсуждает будущее Кристиана.

Себастьян проявил неожиданную для него изобретательность. Он явился на ужин первым, облаченный в классический шотландский килт из дорогой темной шерсти. Это был его единственный шанс выполнить условия пари и не быть вышвырнутым Артуром за дверь. Себастьян весь вечер не вставал с места, прикрывая колени салфеткой, и лишь изредка обменивался многозначительными взглядами с Майей.

Майя превзошла саму себя. На ней было закрытое темно-синее платье, волосы уложены в строгий узел, а на лице сияла маска безупречной воспитанности. Она знала, что этот вечер принадлежит Гретте фон Берг — хрупкой, бледной девушке с аристократическим профилем, которой предстояло стать частью их безумной семьи. Майя не проронила ни одного двусмысленного слова, не позволила себе ни одной колкости. Она была само воплощение «приличной калифорнийской родственницы».

Парис же взял на себя роль дипломата. Он сидел по левую руку от Гретты, и его голос, тихий и бархатистый, не умолкал.

— Кристиан всегда был самым рассудительным из нас, — с теплой улыбкой говорил он отцу Гретты. — Его преданность делу и семье — это то, на чем держится наше спокойствие. Гретте очень повезло, но, признаться, Кристиану повезло гораздо больше.

Кристиан благодарно кивнул другу. В этот вечер он выглядел по-настоящему счастливым — или, по крайней мере, очень старался им быть.

Пар ложился на зеркальную поверхность воды, окутывая Майю коконом тепла. В этом огромном люксе отеля «Монреаль» было слишком тихо. Братья уехали прожигать ночь, Арман исчез в своей ярости, а она, наконец, могла смыть с себя маску «воспитанной девушки Дюмон».

Майя откинула голову на мягкий бортик джакузи и закрыла глаза. Гул воды превратился в другой шум — далекий, пугающий, вибрирующий в самой глубине земли. Шум, который она безуспешно пыталась забыть двадцать лет.

Перед мысленным взором всплыл их дом в Багдаде. Он всегда пах сухой пылью, шафраном и старыми книгами. Её отец, Кыйас Ахмеди, был человеком слова. В их семье литература ценилась выше золота. Марьям помнила, как отец читал им вслух, а мама в это время возилась на кухне, и по дому разносился аромат свежих лепешек. У них было всё: смех старших братьев, защита крепких стен и солнце, которое казалось вечным. Но однажды солнце померкло.

В памяти вспыхнули рваные кадры:

Гром: Это был не гром грозы. Это был звук, от которого задрожали кости.

Пыль: Серая, едкая взвесь, заполнившая рот и легкие, когда их мир буквально сложился внутрь себя.

Крик: Её собственный голос, сорванный от ужаса, когда она пыталась найти маму в руинах того, что еще пять минут назад было их кухней.

Она помнила, как вытаскивала Феруза. Своего маленького, отважного брата. Его нога была придавлена обломком балки — именно тогда он получил ту травму, которая превратила его в Париса с тростью. Марьям тянула его, обдирая ногти в кровь, пока вокруг падали огненные капли с неба.

Они остались одни. Двое детей в городе, который превращался в кладбище.

Потом был лагерь беженцев, бесконечные очереди за водой и холодные глаза волонтеров благотворительной организации. Их, как «особо тяжелых» сирот, отобрали для программы переселения.

Майя (тогда еще Марьям) до сих пор помнила тот день, когда они сошли с трапа самолета. После пятидесятиградусной жары Багдада канадский воздух ударил в лицо, как физическая пощечина.

Первый снег: Он не казался ей красивым. Он казался ей пеплом от сожженного мира.

Чужие имена: В приюте им сказали, что так будет проще. Марьям стала Майей, Феруз — Парисом, а фамилия Ахмеди заменена на избитую Стюарт. Новые имена, как новые одежды, были колючими и не по размеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.